

Ирина Ивахненко

Заря над Скаргиаром

приключения • фэнтези

Ирина Ивахненко
Заря над Скаргиаром

«ИП Стрельбицкий»

Ивахненко И.

Заря над Скаргиаром / И. Ивахненко — «ИП Стрельбицкий»,

Аскер – маг и авантюрист. Он ищет свое место в этом мире, с одинаковой легкостью заводит верных друзей и наживает могущественных врагов. Вместе с ним вы окунетесь в водоворот событий, приключений и интриг, происходящих при королевских дворах Скаргиара. Сможет ли Аскер помочь королевству Эсторея одержать победу в войне против Аргелена? Удастся ли ему одолеть своего главного противника, столь же искусного и в магии, и в политике, но гораздо более опытного? Узнает ли он тайну своего происхождения?

© Ивахненко И.
© ИП Стрельбицкий

Содержание

Пролог	5
Словарь названий и собственных имен Скаргиара	9
Времена года и месяцы	13
ЧАСТЬ 1	17
Глава 1	17
Глава 2	28
Глава 3	36
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Ивахненко

Заря над Скаргиаром

Пролог

Сначала несколько слов о месте действия. Все события этой книги происходят в *Скаргиаре*, который представляет собой полуостров, расположенный к юго-западу от некоего материка и соединенный с этим материком узким перешейком. Поперек перешейка расположен *Алагер*, или Белая Степь. Климат Алагера суров: холодная снежная зима сменяется сухим знойным летом, к тому же в степи постоянно дуют сильные ветры. С юга Алагер окаймляют горные хребты: *Баяр-Хенгор*, *Броглон* и *Фалькатар*, отгораживая перешеек от основной части Скаргиара, так что Скаргиар относительно изолирован.

К юго-западу от горной страны Баяр-Хенгор расположено внутреннее море *Асфариг*. Благодаря притоку воды из главных рек Скаргиара – *Ривалона*, *Амалькаделира*, *Юнграй* и *Эрердуна*, берущих свое начало в ледниках горных хребтов, вода в море слабосоленая и пригодна для питья. С внешними морями море Асфариг соединяется *Гуаранским* проливом.

Климат Скаргиара разнообразен. Помимо упомянутых горных стран с типичным для них холодным и сухим климатом, на юго-востоке и крайнем западе Скаргиара расположены целинные и солончаковые степи. Восточное побережье моря Асфариг в дельте рек Амалькаделир и Ривалон покрыто лесами, а в нижнем течении Ривалона раскинулись плодородные луга, покрытые редколесьем.

Фауна Скаргиара представлена множеством видов, начиная с простейших и заканчивая млекопитающими. Но для нашего повествования особый интерес представляет один любопытный вид, который занимает в иерархии живых существ этого мира высшую ступень. Речь идет об *авринах*.

Аврины в некотором отношении похожи на людей: у них, как и у нас, одна голова, две руки и две ноги. Они обладают развитым речевым аппаратом и способностью к абстрактному мышлению. Но, в отличие от *Homo sapiens*, их наследственность гораздо более подвижна и допускает такие *мелкие* отклонения анатомии, как различное число пальцев на руках и ногах, наличие или отсутствие роговых выростов на определенных частях головы, разную длину хвоста, а также прочие различия в строении скелета. Количество пальцев на руках у них колеблется от трех до шести, на ногах – от одного до четырех.

Тела авринов покрыты шерстью. В основном шерсть гладкая и короткая, плотно прилегающая, но бывает, что на разных участках тела и в особенности на голове шерсть длиннее. Цвет шерсти может быть самый разный, но в основном преобладают светлые тона.

Все эти особенности объясняются тем, что аврины произошли от различных предков. Эти предки, принадлежавшие к разным видам, могли свободно скрещиваться между собой, поскольку понятия не имели о теории Дарвина. В результате оказалось, что аврины вобрали в себя понемногу от всех зверей, населявших Скаргиар. Но, произойдя от зверей и обретя способность мыслить и говорить, аврины осознали свою звериную сущность и поспешили отмежеваться от нее, гордо назвавшись мыслящими (что в переводе и означает «аврины»). Они стали отрезать себе хвосты, чтобы на всю жизнь поставить на своих телах знак принадлежности к высшей породе.

Аврины чувствовали, как зыбка и непрочна та грань, которая отделяет их от животных. Немало было истории примеров, когда потомство авринов и животных становилось авринами и занимало в обществе подобающее место. Но этого старались не допускать, ограждая всевозможными табу. Еще больше было примеров, когда дети авринов в силу своей недораз-

витости не могли говорить или не обнаруживали достаточных умственных способностей, чтобы считаться авринами. Таких детей без сожаления выкидывали, и они по большей части погибали. Этим сравнительно простым, хотя и жестоким путем общество избавлялось от умственно отсталых.

Сначала аврины жили небольшими группами, питались кореньями и ловили всякую живность. Но впоследствии, развиваясь, они стали объединяться в поселения, строить себе жилища, а затем приручать диких животных.

Первыми одомашненными животными стали *гропалы*. Их разводили ради мяса и шкур, а когда аврины изобрели ткачество – и ради нежного тонкого пуха, растущего у них на шее и животе, из которого получали пряжу.

Осев на земле, аврины стали выращивать *данар* – род злака, а также овощи – *гильян* и *пину*. Вблизи гор, где залегали руды, аврины научились выплавлять металлы, а на реках – строить лодки. Те же, кто жил в степях, приручили *берке*.

Берке были намного норовистее гропалов. Ели они растительную пищу, но если на них нападал хищник, равный им по силам, они терзали его зубами. До этого, правда, дело доходило редко: берке были очень резвы и могли бежать много часов подряд без усталости. Именно это и побудило авринов приручить их, чтобы ездить на них верхом и перевозить разные грузы.

Ко времени приручения берке общество авринов уже начинало утрачивать свою однородность: одни становились богаче и брали других к себе в услужение. Многие аврины сами выбирали себе управителей, которые должны были заботиться о делах общины и за это получали от нее плату. Сначала управителей выбирали на определенный срок, но потом они стали избираться пожизненно и получили право передавать свою власть и обязанности по собственному усмотрению. Управители отдельных общин также выбирали себе начальников, и это привело к образованию княжеств.

Князья начали спорить между собой за лучшие земли и воевали из-за этого. Одни князья побеждали других и брали их народ под свою опеку. Те, кому удавалось установить свою власть на возможно большей территории, становились королями.

Были у авринов также культы и религии. В их пантеоне были крупные божества, в которых верили все, боги средние – покровители какой-нибудь местности, и мелкие божки, вплоть до фетишей, которые могли принадлежать семье или даже одному аврину.

Главных божеств было три: *Матена*, *Нур* и *Ранатра*. Первые два бога принадлежали свету и олицетворяли женское и мужское начала. Ранатра же считалась божеством тьмы и была двуполой, но об этом редко вспоминали и приписывали ей женскую суть.

Все три божества произошли из первозданной серой пустоты и долго делили сферы влияния. В результате Матена стала богиней неба, Нур – богом земли и воды, а Ранатра – богиней подземного мрака, который, как считали в Скаргиаре, отделен от земной поверхности *скритом*, представляющим собой очень прочный каменный щит.

Соответственно своей стихии каждое божество имело свою магию и свой характер. Матена, как богиня верхнего мира, управляла луной, звездами, облаками, дождями, ветрами и радугой, покровительствовала искусствам, будила в авринах стремление ко всему неземному и возвышенному, развивала интуицию и мечтательность.

Нур, как покровитель среднего мира, был богом земледельцев, ремесленников и всех, кто занимался науками. Солнце, единственное из всех небесных светил, принадлежало к его стихии, поскольку считалось связанным с землей. Нур благоволил земным радостям и бесхитростным утехам, в отличие от вычурной Матены.

Культ Ранатры возник позже первых двух. Ранатра издревле считалась злым божеством, которое имело под своим началом легион чертей и демонов и несло с собой несчастья

и болезни. Но впоследствии аврины стали обращаться к Ранатре для наведения порчи на своих недругов.

Каждый аврин от рождения подпадал под покровительство одного из божеств в соответствии с временем суток, когда он родился. Рожденные днем считались детьми Нура, рожденные ночью – детьми Матены, ну а детьми Ранатры становились те, кто появился на свет во время солнечных и лунных затмений. Считалось, что божество-покровитель влияет на характер своих детей и передает им свои черты.

Религиозные догмы и положения были изложены во многих источниках, но главным из них по праву считается книга *Нагана-Сурра*. Эту книгу признают представители всех культов Скаргиара.

Помимо главных богов существовали также боги – покровители городов (обычно это были духи их основателей), духи гор, степей, лесов, рек, озер, охранители отдельных домов и индивидуальные божки. Им поклонялись, особенно те, чья жизнь была тесно связана с природой: земледельцы, охотники, скотоводы, а также путешественники.

До некоторого времени у авринов не существовало единого летосчисления, и они пользовались самыми разнообразными системами, если вообще пользовались какими-либо системами. За точку отсчета бралось какое-нибудь заметное событие, вроде засухи или землетрясения. Зачастую аврин отсчитывал годы от собственного дня рождения. Впоследствии за точку отсчета был принят год начала записей в Первой Летописи, которую начали вести в *Вишере* – большом культурном и религиозном центре на озере *Лагват*. Оттуда эта система отсчета распространилась по всему Скаргиару.

Кроме системы Первой Летописи, в Скаргиаре существуют и другие системы, например, системы отсчета лет с момента образования какого-то государства. Но этими системами пользуются только для архивов и в особо торжественных случаях, потому что при согласовании систем возникают определенные неудобства. К тому же, такие древние королевства Скаргиара, как *Гедрайн* и *Буистан*, не могут пользоваться этими системами по той простой причине, что никто не знает, когда они были основаны.

Год у авринов делится на двенадцать месяцев, в каждом месяце у них двадцать четыре дня – по шесть дней в каждой из четырех недель; итого – 288 дней. Всего в году 292 дня, и четыре оставшихся дня называются Первым Днем весны, лета, осени и зимы соответственно. Год начинается весной, и Первый День весны значит для авринов то же самое, что для нас – Новый год.

В скаргиарских сутках двадцать четыре часа, в часе – шестьдесят минут. Вся система счисления у авринов связана с числом 12: это объясняется тем, что именно двенадцати кратно количество пальцев на руках у большинства авринов. Так и в авринском веке не сто, а сто сорок четыре года – двенадцать раз по двенадцать.

Все аврины принадлежат либо к мужскому, либо к женскому полу. Различия между полами не так заметны, как у людей; главное внешнее отличие заключается в том, что у самок на груди находятся развитые молочные железы. Непосредственно же половой аппарат у обеих обоего пола заключен в брюшной полости и снаружи не виден. У большинства авринов внизу живота и в области промежности шерсть не так густа, как на других участках тела. Появление первой набедренной повязки связано прежде всего со стремлением защититься от холода, а не с сексуальными табу, призванными ограничить рост популяции, как полагают некоторые. Первоначально нагота не была для авринов чем-то запретным и неприличным; только впоследствии, когда одежда обрела функции сословных различий, нагота постепенно перешла в разряд табу. До сих пор в Скаргиаре во многих социальных группах этому не придают большого значения, и даже в среде аристократии неприличной считается не сама нагота, а только подчеркнуто сексуальное поведение, ее сопровождающее. Если такое поведение отсутствует, отсутствует и табу.

Язык у авринов сначала был общий, но впоследствии отдельные группы авринов обособились, и возникли различные диалекты. Ко времени нашего повествования аврины разделились на отдельные народы, каждый из которых пользовался своим языком. В разные периоды своей истории аврины пользовались различными алфавитными системами, однако все они были несовершенны и не отвечали требованиям языка. Со временем был найден наилучший вариант, ставший общеупотребительным для всего Скаргиара. Этот алфавит был составлен в *Валиравине* – монастыре в Баяр-Хенгоре.

Вот те немногие сведения, которые необходимо знать о Скаргиаре и его обитателях, прежде чем проникнуть за завесу времени и пространства, что скрывает от нас славные деяния героев других миров и эпох. Загадочный мир, такой далекий и в то же время неуловимо близкий, раскроет свои тайны перед каждым, кто осмелится стереть черту, отделяющую реальность от фантазии, и погрузиться в пучины неизведанного.

Словарь названий и собственных имен Скаргиара

Абакар Норло – настоятель Валиравины
АврИн – мыслящий
АгаджарАйн – столица Гедрайна
АгрОлин – министр Эсторей по горному делу
АйларОлла – столица Корвелы
АкреОл – крепость в Эсторее
АлагЕр – Белая степь
АлАрия – местность
АлИм – некий дед-выпивоха
АльбаргИйн – привратник у ворот Агаджарайна
АльтсЕрг – сайрольский князь
АльфариЙт – река в Гедрайне
АмалькаделИр – река в Корвеле
АмейдОл – звезда
АнгвИлла – принцесса, дочь короля Лиэрина
АОлан ВалесиАр – король Эсторей
АрваджЕн грИл – доброе утро по-броглонски
Аргас ГебИр – военачальник королевы Геренат
АргелЕн – королевство
АрморелИна – город в Корвеле
АртаринОр – город в Эсторее
АскЕр – гора, а также аврин, названный в ее честь
АсфарИг – море
Аткар – столица Аргелена
АтларИн ИлезИр – куртизанка в Паореле
Атра – денежная единица, равная 1/144 лериза
БайОр – город в Гедрайне
Баяр-ХенгОр – нагорье
БелезигОр – министр Эсторей по строительству
БеркЕ – непарнокопытное животное, одомашнено
БесалОн – буистанский вельможа
БирхАз – пепельная птица с бельмами на глазах
БолОр – поселение в Гизене
БрегАн – город на Каменном Пути
Брей – река в Эсторее
БрианОр – военачальник Брегана
БрОглон – нагорье
БуистАн – королевство
ВалиравИна – монастырь в Баяр-Хенгоре
ВальдЕр – местность
ВилОзия – город на побережье моря Асфариг
ВиреОн-Зор – королевский дворец в Паореле
ВишЕр – монастырь, культовый центр
ГадерАн – дворец Аскера в Паореле
ГаОрин – верховный жрец храма Нура в Паореле
ГарЕт – крепость в Аргелене

ГарилАф – броглонский авантюрист, агент Эргереба
ГаЭр – птица, одомашнена, используется как почтовая
ГедАр ФУльмар – король Аргелена
ГедрАйн – королевство
ГеренАт – королева Аргелена
ГизЕн – местность
ГильенОр ДервиАлис – маршал Эсторей и главнокомандующий
ГильЯн – овощ
ГИна – мера расстояния
ГлерИн – болотистая местность
Глид – река к востоку от Глерина
ГлиОна – плакучее дерево
ГонхИрн – министр Эсторей по науке
ГралО – монах в Валиравине
ГропАл – парнокопытное животное, одомашнено
ГуарАн – пролив между Эстореей и Аргеленом
ДанАр – злак
ДаргахИр сатхАф – доброе утро по-аргеленски
ДариОла – принцесса, дочь короля Лиэрина
ДаЭра – остров на юго-западе Эсторей
ДжамЕн – король Аргелена
ДжилгАр – хищная птица
ДзоОрейн – город в Гедрайне
ДрилИн – птица, одомашнена
Дрир – некий предатель
Зальта – служанка в Виреон-Зоре
Заль-Фхар – королевство
ЗилгУр – секретарь Эргереба
ЗинтИр – горничная Аскера
ИгерсИн ИстИлис – король Буистана
ИктЕр СезирЕль – министр Эсторей по делам культов и религий
Ила – дерево с розовой древесиной
ИгенАр – столица Буистана
КадИз РинАр – первый советник короля Аолана
КаленсОр – комендант Фан-Суор
КангЕйр – командир гедров, союзников эстеан
КарлиЭн – болотное дерево
КеильмАс – город в Буистане
КенО – учитель Сиа, отшельник
КерЕя – опасная заразная болезнь
КорвЕла – королевство
КорлОн – комендант Гарета
КралИз – монах-историк в Валиравине
КулятуУр – соленое озеро в Скаларе
КУне-Харф – город (теперь Коннегарф)
ЛабЕон – принц, сын короля Аолана
ЛагАстер – полковник в Гизене
ЛагВАт – озеро
ЛагреАд – оружие, копия Стиалора

Лайрна – кормилица Моори
Ларган – хищник
Латриэль – паж принцессы Дариолы
Лерг – оружие
ЛерИз – денежная единица
ЛесгалИр – министр Эсторей по ремеслам
ЛиалурИн – загородная резиденция королей Корвелы
Лийр РиайлОт – король Гедрайна
ЛийярИла – принцесса, дочь короля Лиэрина
ЛинекОр – дворецкий Аскера
ЛиО – имя главного героя
ЛИрна – служанка в Виреон-Зоре
ЛИтта – горничная Дариолы
ЛиэрИн КлавигЕр – король Корвелы
ЛогОнник – трава
Ман-ГосАр – нагорье
МатЕна – высшее божество
МаэркЕл – город в Эсторее
МенреЭл ГалОр – советник по финансам и казначей Эсторей
НагАна-СУрра – священная книга
Нур – высшее божество
ОрмУн – река в северном Аргелене
ОтЕра – город на побережье моря Асфариг
ПаорЕла – столица Эсторей
ПЕлвис – камердинер Дервиалиса
ПилОр – крепость в Эсторее
ПИна – овощ
РавАлль – комендант Пилора
РавИль – пушистый грызун
РАйлис – птица
РайнгИр – верховный жрец Матены, преемник Сезиреля
РамАс ЭргерЕб – первый советник королевы Геренат Фульмар
РанАтра – высшее божество
РивалОн – река
РивИн – король Корвелы, отец короля Лиэрина
РИгал – ученик Кено
РисгеИр – принц, сын короля Игерсина
Ронз – светло-серая морская птица
РоОгглор – офицер в Пилоре
СайрОл – степь
Сар-СиргИт – звезда
СельфЭр – берке Аскера
СИа – некая энергетическая субстанция
СкАлар – местность
СкаргиАр – общее, "Юго-Запад"
Скрит – каменное основание мира
СоОгран – некий краснобай
СорийЛАт – трава
СтиалОр – тайное оружие королей Корвелы

СуарОн – церемониймейстер в Виреон-Зоре
Сур – дерево с кривыми ветвями
СфалиОн – маршал Эсторей, преемник Дервиалиса
Схет – дерево с прочной древесиной
ТАрра – остров и город на нем
ТельгефИр – звезда
ТемОр – король Эсторей
ТЕндо ЭрфилАр – мастер-оптик, создатель Лагреада
ТерАйн ГалОйр – гедрайнская воительница, эсфрин
ТергОль – звезда
УргУбд – броглонский колдун
УриЕлла – королева Корвеллы, супруга короля Лиэрина
УэрлЕрион – город в Корвеле
ФалькатАр – нагорье
Фан-СуОр – крепость на острове Заклятом
ФаринтАр – начальник стражи короля Аолана
ФАрхан – остроглазый
ФаэслЕр СаргОло – куртизанка в Паореле
ФеарОл – звезда
ФейриАн – дворецкий Аскера в Гадеране
ФенЕстра – крепость в Эсторее
ФИЙрон ЛароОр – дядя Моори
ФилАна – старуха, служанка Аскера
ФогенАль – министр Эсторей по торговле
ФуэрЕн – король Эсторей
ХабЕт – хищник
ХагелОн – город в Эсторее
ХалисАр – буистанский принц
ХаскарЕль – королевский дворец в Паореле
ХофтАр – верхняя одежда
ЦелЕрио – струнный щипковый музыкальный инструмент
ЧерИн – аргеленский дипломат
ШергИз – местность
ШерЕйм – река в Гедрайне
ЭбАс – монах-химик в Валиравине
ЭгрЕтга – королева Эсторей, супруга короля Аолана
ЭдельИв – камердинер короля Аолана
ЭймЕрия – некая шлюшка
ЭларЕб – министр Эсторей по земледелию и садоводству
ЭлианАра – принцесса, дочь короля Лиэрина
ЭллезЕр – король Эсторей
ЭрлАн МоОри – друг Аскера
ЭсторЕя – королевство
ЭсфрИн – странствующий воин
ЭулИна – принцесса, дочь короля Темора
ЮнгрАй – река в Баяр-Хенгоре

Времена года и месяцы

Весна – лирен

Лето – астеф

Осень – вине

Зима – уарат

Январь – кутуарат

Февраль – вендуарат

Март – немлирен

Апрель – кутлирен

Май – вендлирен

Июнь – немастеф

Июль – кутастеф

Август – вендастеф

Сентябрь – немвине

Октябрь – кутвине

Ноябрь – вендвине

Декабрь – немуарат

ЧАСТЬ 1

О культах, явных и тайных

Глава 1

Горы стоят, седые и безмолвные. Ветер, только ветер овевает их заснеженные вершины, разгоняя утренний туман. Взошедшее солнце золотит неприступные пики, что гордо вздымаются к самому небу. Баяр-Хенгор... Вершина мира, обитель вечных тайн и небесного покоя. Строгие и величавые стоят горы, взирая на проходящие мимо века, и словно бросают вызов времени, неспособному их изменить.

Да, не таким спокойным был Баяр-Хенгор в морозную зимнюю ночь, когда разразилась та гроза. Любая гроза зимой в горах – большая редкость, а уж такой грозы, как эта, не упомянут и старожилы. Даже в летописях Валиравинского монастыря за всю историю его существования – а существует он уже более двух тысяч лет – такого случая не записано.

Гроза пришла с запада. Вечер накануне был тих и ясен, по небу скользили легкие розовые облачка, подсвеченные заходящим солнцем, а воздух был так прозрачен, что далекие сизые горы, казалось, можно достать рукой. Но вот сгустились сумерки, и когда последний отблеск зари погас на небосклоне, из-за гор налетел ураган. Небо потемнело в один миг, и звезды проступили на нем, повиснув редкими огнями в черной пустоте. Клочковатые разорванные тучи, принесенные ураганом, пронеслись по небу и повисали над головой, постепенно заслоняя белесой пеленой и звезды, и небо до самого горизонта. На горы опустилась

кромешная тьма, воздух стал спертым и влажным, как в подземелье. И вот среди этой кромешной тьмы на западе, сначала очень далеко, затем ближе, пробежала огненная зарница, слегка осветив края зубчатых пиков.

И тут разразилось. Первая молния, прорезав тучи, ударила наискось в гребень ближайшей горы, и вслед за нею грянул гром, рокоча и отдаваясь стоголосым эхом во всех ущельях и пропастях. Ударил вторая молния, за ней третья, а потом уж было и не разобрать, где кончается одна вспышка света и начинается другая. Гром гремел, сотрясая горы, камни сыпались вниз, белый пляшущий огонь молний озарял все вокруг. От вершин откалывались целые скалы и медленно катились по склонам, исчезая в пропастях.

Гроза ходила кругами, тучи все плотней сбивались в кучу, с непонятым упорством посылая молнии в одно и то же место. На вершине одной горы огонь плясал непрерывно, и молнии с грохотом вонзались в ее макушку, словно стремясь разрушить ее до основания. Но гора стойко выдерживала бешеный натиск, поглощая все молнии своими бездонными недрами.

Огненная вакханалия продолжалась до утра. Лишь только первый луч солнца сверкнул с востока, все вмиг прекратилось. Ветер разметал по небу тучи, очистив место восходящему светилу. Солнце озарило картину разгрома: везде на прежде девственно гладком снегу виднелись борозды от падавших камней, растущие там и сям суковатые деревья были опалены небесным огнем, и сами вершины гор словно стали ниже. Только та гора, в которую молнии били с особенной силой, стояла незыблемо, словно и не было ничего.

И тут на самой вершине горы что-то зашевелилось. Странное, невиданное дотоле существо подняло голову и открыло свои огромные глаза. Они казались почти черными, но первый луч солнца проник в них и высветил их бездонную глубину, синюю, как воды горных озер. Существо оглянулось вокруг, вдохнуло морозный воздух и попыталось встать, но, поскольку оно лежало на самом гребне пика, то тут же съехало вниз, пропахав снег. Скатившись на уступ скалы, существо осторожно встало на четыре конечности и начало спускаться с вершины, едва нарушая гладкую поверхность снега неглубокими следами. Оно спускалось по восточному склону горы, не зная, что ждет его впереди.

А впереди, за перевалом, окруженный со всех сторон пропастями и ущельями, стоял Валиравинский монастырь. К нему вела одна дорога, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти вьючные животные, но слишком узкая даже для двуколки. Валиравина считалась обителью мудрости и находилась на краю света, вдали от мирских соблазнов. Туда отправлялись либо ища уединения, либо в поисках убежища, либо в ссылку. Валиравинский монастырь был посвящен богине Матене, одному из главных божеств Скаргиара. В монастыре в свое время нашли приют многие выдающиеся личности, и почти все они изложили свой жизненный опыт в книгах. Валиравинская библиотека считалась одной из лучших: в ней хранились книги из всех отраслей знаний.

Нынешним настоятелем монастыря был *Абакар Норло*. В молодости он был большим идеалистом и отправился в Валиравину простым послушником, чтобы найти здесь высшую мудрость. Его религиозное рвение было так велико, что уже через год он стал монахом, через пять лет был посвящен в таинства, а вскоре по единодушному решению совета стал настоятелем, сменив умершего предшественника. Но, достигнув столь высокого сана, он не обрел покоя в душе: по долгу службы обмениваясь письмами с настоятелями других храмов, он с ужасом обнаружил, что их помыслы направлены вовсе не на приумножение духовных сокровищ, а на стяжание мирских благ.

Поиски высшей мудрости Норло продолжал еще некоторое время, пока не понял, что это ему не по силам (может, это и есть высшая мудрость?) Потеряв смысл жизни, он разочаровался во всем. Ему хотелось покинуть горы и этот монастырь, где произошло крушение его идеалов, и окупаться в мир, прожить оставшуюся жизнь в гуще событий. Но в то

же время Норло боялся, что жизненный поток сметет его в сторону, выкинув на обочину жизни: за эти годы он привык жить с уверенностью в завтрашнем дне. И он ждал какого-нибудь знака свыше, какого-то события, которое позволило бы ему стать кем-то большим, чем просто настоятель монастыря, затерянного на краю света, не завоевавший себе ни громкого имени, ни авторитета в религиозной среде.

Такое событие произошло на третий день после памятной грозы, а именно 23-го *вендуарат* 2166 года Первой Летописи, в предпоследний день зимы. Монах, стоявший сегодня на дежурстве у ворот монастыря, поднялся на крепостную стену, чтобы посмотреть, все ли спокойно вокруг. Утреннее небо розовело, легкий ветерок шевелил полы рясы монаха. Он потянулся и сладко зевнул, прикрывая рот рукавицей.

Сзади раздался смешок.

– Смотри, *Грало*, как бы молния в рот не залетела, – это был другой дежурный.

– Ничего, небось не залетит. Утро ясное, – невозмутимо ответил *Грало*. – А ничего тогда гроза была, правда?

– Да, верно. Натерпелись мы страху. Блеск, грохот, – прямо светопреставление. И хоть бы капелька, хоть бы снежинка, – удивительно.

– Это еще что! Ты тогда убежал, испугался, а я до самого утра тут сидел, пока не стихло. Так я тебе скажу: сначала молнии эти лупили куда попало, а потом тучи как стали над горой *Аскер*, и – точнехонько в вершину.

– Врешь!

– Не вру, Матеной клянусь.

Монахи некоторое время постояли в молчании, обдумывая сказанное. Вдруг один из них вскрикнул, указывая куда-то вниз.

– Смотри! Пока мы тут зевали, к нам подвалили гости.

– Какие такие гости? Никого не вижу.

– Да ты не туда смотришь, вон – левее!

И точно, внизу, на дороге, что-то двигалось. Пик горы затенял эту часть дороги, и потому нельзя было разглядеть, что там движется. Монахи, сколько ни напрягали зрение, не могли пока ничего разобрать. *Грало* сделал шаг назад от края стены и веско сказал:

– Одно ясно: это не из авринов. Ни тебе берке, ни котомки за плечами, и двигается как-то странно.

Между тем нечто, шедшее по дороге, вышло из тени, и монахи смогли его как следует рассмотреть. Ничего подобного они в своей жизни не видели. Животное (а монахи решили, что это было именно животное) отличалось удивительным изяществом. Его короткая нежная шерсть была белой, но не просто белой, а имела голубовато-молочный оттенок; на голове красовалась пара причудливо загнутых рогов с четырьмя отростками; на задних ногах было по одному копыту, а на передних были пальцы, но монахи не могли сказать, сколько их было.

Животное шло пошатываясь и время от времени падало в снег. Силы его, похоже, были на исходе, а подобранный живот наводил на мысли о том, что оно давно ничего не ело. Перемигнувшись, монахи решили забрать диковинку в монастырь. Они спустились со стены, открыли ворота и, вооружившись хорошей сетью, направились к зверю. Словить его было совсем не трудно; набросив сеть, они потащили животное внутрь. Оно так обессилело, что даже не предпринимало никаких попыток освободиться.

Монахи втащили свою добычу в главный зал монастыря, называемый Молитвенным, и пододвинули поближе к огню. Все, кто был в монастыре, сбежались посмотреть на зверя. Пришел и настоятель. Наиболее старые и уважаемые монахи разместились на скамьях вокруг и стали судить да рядить, что же это такое. Мнений было много; все, однако, сошлись на том, что это не аврин, как они сами, а простое животное, потому что никакой мыслящий не отправится в путь по горам без одежды и провианта. Однако Норло сказал:

– Пусть оно сперва очнется, а там посмотрим, может оно говорить или нет.

Грало подошел к животному и принялся выпутывать его из сетки. Вытряхнутое, животное растянулось на полу, бессильно откинув назад голову. Грало пнул его ногой в надежде, что это приведет его в чувство, но его усилия были напрасны: животное не подавало никаких признаков жизни.

– Околело, никак! – охнул он, наклоняясь над ним. – И не дышит вроде...

– Жалко, если подохнет, – зашумели монахи. – Братья, дадим ему имя! Как сказано в Нагана-Сурра, «да наречется именем земным и да останется на земле сей», и пусть будет по словам нашим. Скорее, дадим ему имя! Отец Абакар, вы – наш глава, и вам мы предоставляем это почетное право.

Настоятель принял глубокомысленный вид, но, не долго думая, сказал первое, что пришло в голову:

– Наречем его *Лио*. По-моему, неплохое имя.

– Точно, неплохое! – тут же согласились монахи, которым годилось хоть какое-нибудь имя, лишь бы животное не подошло раньше времени.

И в самом деле, помогло ли имя или же тепло огня наконец разогнало застывшую кровь, но животное зашевелилось. Подняв голову, оно взглянуло на монахов, и взгляд этот поразил их в самое сердце. Темно-синие бездонные глаза смотрели так, словно пронзали душу насквозь и могли проникнуть в ее самые сокровенные глубины.

– *Фархан*, – прошептали монахи в смятении, опустив головы.

И животное запечатлело в своей памяти это слово, которое на хенгорском языке означает «Остроглазый».

Настоятель не выдержал первым.

– Ну что ты все смотришь? – раздраженно спросил он. – Заберите его куда-нибудь, что ли. Грало, пристрой его в сарай к прочей скотине.

– Пошли, Лио, – сказал Грало, – отведу-ка я тебя к нашим монастырским берке.

Зверь встал на задние лапы, качнулся несколько раз из стороны в сторону, затем расправил плечи, выпрямился и пошел, как ни в чем не бывало. Монахи беззвучно ахнули, покачали головами, но ничего не сказали.

Грало и Лио вышли из Молитвенного зала, прошли комнату поменьше, миновали коридор, кладовые, кухню и вышли в маленький внутренний дворик, где обычно разгружали берке. С левой стороны двора и напротив выхода из коридора, по которому они прошли, размещались сараи, где стояли берке, а направо был спуск к монастырским воротам.

Грало открыл дверь в сарай. Оттуда вылетело облачко пара, повеяло сеном и навозом. Берке стояли хвостами к проходу и жевали зерна данара. Грало провел Лио к крайнему стойлу слева, в самом конце прохода, набросал на пол сена, положил зерна в кормушку и ушел.

Над кормушкой было маленькое окошко, выходившее во двор. Лио сразу занял позицию у этого окошка. Во двор выбежали поварята; один держал в руке стянутый на кухне пирожок, а другие с веселыми криками гонялись за ним. Потом вышла рослая и толстая бабка в засаленном переднике, схватила воришку за ухо, дала ему по шее и увела на кухню.

Один из ребятишек увидел нос Лио в окне.

– Эй, малявки, чей это там нос торчит из окна? Совсем как у старого *Эбаса*!

– Да чего это Эбас будет делать в сарае? Он, как обычно, корпит над своими скляночками, – сказал кто-то из ребят: Эбас был химиком.

Детей разбирало любопытство, и они, открыв дверь сарая, просочились внутрь, стараясь производить поменьше шума. Когда они увидели Лио, возгласам не было конца. Дети наперебой обсуждали его внешность, таратора без умолку. Кто-то из ребят показал язык, и Лио сделал то же самое.

– Смотрите, да он дрессированный! – завопили они.

Это было даже интереснее, чем приезд каравана с провизией. Откуда-то появился мяч, и дети стали перебрасывать его между собой, а затем кинули к Лио. Он поймал мяч в правую руку (о том, что это руки, у детей сомнений не было, так как на каждой было по четыре пальца и большой палец отстоял вбок от остальных). Лио кинул мячик назад. Одна девочка водрузила мяч себе на нос и сделала с ним пару шагов, а потом бросила его Лио. Тот поймал мяч носом и, продолжая удерживать его на носу, сначала сел на пол, а затем и лег. Мотнув головой, он кинул мяч обратно детям. Игры с мячом его не интересовали: он внимательно прислушивался к разговору детей, которые, словно нарочно, не умолкали ни на минуту.

Толстая кухарка опять вышла во двор и позвала детей есть. Они тут же убежали, и Лио остался один. Он был этому только рад: такое обилие слов, интонаций, выражений требовало тщательного осмысления и сопоставления, к чему Лио и приступил. Ничто не мешало ему работать. Берке тихо хрупали зерном, изредка переступая с ноги на ногу. Лишь однажды вечером зашел Грало, чтобы проверить, все ли в порядке, нашел зерно нетронутым, покачал головой и ушел.

Лио закончил свои размышления далеко за полночь, остался ими, видимо, удовлетворен, зарылся в сено и уснул.

* * *

Проснулся Лио засветло. В окошко с улицы пробивался седой предутренний свет. В воздухе витал запах сена и пар от дыхания берке. Лио почувствовал голод и съел немного зерна, потом подошел к дверце своего стойла, повертел запор так и сяк, открыл и вышел на улицу. Серели сумерки поздней зимы, монастырь еще спал. Лио походил по двору, спустился к воротам, поднялся обратно. Взошло солнце. Некоторое время он любовался рассветом, потом вернулся в сарай и стал разглядывать берке.

Берке аврины называли степных непарнокопытных животных. Берке стояли ближе к хищникам и не гнушались мясом и рыбой, хотя охотнее всего ели зерно и овощи. Их хвост, хотя и достаточно длинный, не был покрыт волосами до самого корня, а имел лишь кисточку на конце. Гривы берке не имели, зато имели тонкую, высоко поставленную, изящно выгнутую шею. Положение глаз, как и пищеварение, более всего говорило о родстве берке с хищниками, поскольку глаза у них располагались в двух пересекающихся плоскостях, как у хищников, а не в параллельных, как у травоядных, отчего зрение берке было бинокулярным.

Приручены берке были давно и использовались как вьючные и верховые животные. Их разводили также ради мяса и шкур, но не в такой степени, как гропалов. Берке были умными, хитрыми и своенравными животными и оттого часто бывали непокорны. В те времена, когда всадник управлял берке с помощью хлыста и команд, подаваемых голосом, совладать со строптивыми берке было очень непросто. Впоследствии были придуманы удила, продеваемые в дыру в щеке в углу рта. Теперь, если берке проявлял непослушание, достаточно было дернуть за повод, чтобы наставить его на путь истинный, потому что берке боялся дергать головой, чтобы не оторвать себе вместе с удилами полщеки. Удила делались отдельные на каждую щеку и покрывались толстым слоем позолоты, а то были и целиком золотые. Это делалось для того, чтобы они во рту не ржавели и не причиняли берке неудобств. Вставлялись удила подросткам жеребят и оставались в щеке на всю жизнь. Снять их можно было, только перекусив проволоку, закреплявшую удило на щеке. Кстати, по удилам или хотя бы по дыркам от удил всегда можно было определить, дикий ли это берке или он когда-то был приручен. Те, кто занимался отловом диких берке, всегда обращали на это внимание и предпочитали отлавливать уже прирученных.

Но вернемся к Лио. Рассмотрев берке, он опять хотел выйти на улицу, но столкнулся в дверях с Грало. Тот всплеснул руками:

– Куда это ты наострил лыжи в такую рань?

Разумеется, Грало не ожидал ответа на свой вопрос, и тем не менее услышал в ответ:

– Хочу пройтись хоть куда-нибудь. Скукотища!

Толстые щеки Грало отвисли от удивления. Он схватил Лио за руку и потащил за собой, сказав:

– Сейчас прогуляешься!

Настоятель сидел в постели и протирал глаза. При виде влетевшего к нему в спальню Грало он зевнул и спросил:

– Чего это ты, братец Грало, мечешься с утра пораньше?

– А вот вы послушайте, отец Абакар! Вот этот вот, – Грало ткнул пальцем в Лио, – говорит! Он, говорит, хочет пройтись!

Грало возбужденно размахивал руками и то и дело переводил дух.

– Хм, интересно, – задумчиво сказал настоятель. – Спасибо, Грало, можешь идти. А ты, Лио, присаживайся.

Тут он спохватился: то, что все приняли за животное, могло оказаться кем угодно.

– Или, возможно, мне следует говорить вам «вы»? – сказал он уже без покровительственных ноток.

– Не знаю, – просто ответил Лио. – Как вам будет удобнее.

Норло перешел на привычное «ты» и продолжал:

– Расскажи мне о себе: кто ты, откуда, как попал к нам?

Лио подкатил глаза к потолку, помолчал с минуту и сказал:

– Кто я и куда иду, не знаю, а расскажу, что помню. Первое – это горы. Я лежал на вершине одной и смотрел, как встает солнце. Потом я спустился вниз и шел на восход, – день, второй, третий... Кругом был снег, камни, было очень холодно. Я часто падал и все время куда-то проваливался. Потом я увидел перед собой свет и шел на него. Вставало солнце. У меня подгибались ноги, и я стал ползти. Что-то черное навалилось на меня, и я снова куда-то провалился, а потом сразу оказался в большом зале, где сидели вы и еще другие. Тот... Грало... отвел меня в сарай. Пришли дети и очень много говорили. Я запомнил слова и многое другое из их разговора, чего назвать не могу. Теперь я говорю. Вот и все.

Норло слушал – и не знал, верить ему или нет. Получалось так, что Лио помнит себя с тех пор, как кончилась гроза, и пришел откуда-то оттуда. Настоятель вышел в другую комнату, взял из ящика шкафа подзорную трубу, прошел по коридору и поднялся по винтовой лестнице на дозорную башню, стоявшую посреди монастыря и выходившую окнами на все четыре стороны света. Подойдя к западному окну, он направил трубу вдаль. Долго искать ему не пришлось: от самой вершины горы Аскер шла вниз борозда в снегу, еще не совсем занесенная ветром, а дальше на восток вела цепочка следов. Похоже было на то, что кто-то перевалил через гору, поднявшись с западной стороны и спустившись с восточной. Но кто ползет на гору, если можно ее обойти? Да еще в такую грозу, когда расти там травинка – и ту бы сожгло. Хотя почему на вершине столько снега? Молнии обязательно расплавили бы его. Снегопада с тех пор не было, так откуда же взялся снег? Норло вернулся в глубокой задумчивости.

Лио сидел в той же позе, в какой оставил его настоятель, и смотрел в окно.

«Совсем как аврин! – невольно подумал Норло. – До чего же осмысленный взгляд... И какой редкий цвет... У большинства авринов глаза или карие, или желтые, или зеленые, а у этого – подумать только – синие! Был бы тут Эбас – сказал бы, что эти глаза цвета медного купороса. А какие ресницы! В жизни не видел таких ресниц: вполне годятся на то, чтобы обмахиваться в жару. А шерсть! Ну что это за шерсть – белая, да еще с каким-то непонятным

оттенком. Уродец, одним словом. Правда, те два франта, что приезжали недавно из *Уэрле-риона*, говорят – теперь такая мода. Но я им не верю: не бывает такой моды. И сами, как чучела: брови вымазаны углем, шерсть напудрена мукой, патлы свои завивают колечками, – и хотят, чтобы и остальные выглядели точно так же, расписывая, как это красиво. Одно у этого Лио хорошо: шерсть такая короткая и гладкая, словно полированная. А я вот к весне всегда облезаю...»

Норло словил себя на том, что начинает завидовать этому, как он его назвал, уродцу, который, тем не менее, идеально вписывался в последние требования моды. Справедливо решив, что зависть – не особенно плодотворное чувство, он придал своим мыслям иное направление. Неважно, откуда этот Лио появился, – важно, что его можно использовать.

Заложив руки за спину, Норло принялся ходить по комнате. Он пока смутно представлял себе, на что годится это странное существо, но что-то подсказывало ему, что из этого может получиться очень неплохая интрига.

– Скажи-ка мне, Лио, – начал он, – когда ты впервые увидел солнце, оно висело над самым горизонтом или уже поднялось над горами?

– Я открыл глаза в тот миг, когда блеснул первый луч, – ответил Лио. – Я видел уже четыре восхода и могу быть уверенным в своих словах.

– Вот как? – покачал головой настоятель. – В таком случае тебе крупно повезло, потому что у тебя...

Норло осекся, кляня себя в душе за неосмотрительность: кто знает, что у этого создания на уме. А между тем слова, едва не сорвавшиеся у него с языка, значили буквально следующее: у того, кто родился в момент восхода или захода солнца, на грани дня и ночи, было *два* божества-покровителя.

Норло почувствовал, что у него дрожат колени. Вот он, тот счастливый случай, которого он так долго ждал и который позволит ему вырваться из рамок привычного существования и начать новую жизнь! Эта тварь, сидящая здесь на стуле, настолько необычна, что охочие до зрелищ бездельники заплатили бы немалые деньги, чтобы только поглядеть на нее. Но он, Норло, сделает больше, – о, гораздо больше! Это полуживотное-полуаврин, похоже, на редкость сообразительно, и его можно будет научить всяким штукам вроде... вроде...

И тут на Норло снизошло озарение. *Он будет проповедовать!* Неважно, кто из двух покровителей этого создания – Нур или Матена – наделил его даром речи, но только это – величайший дар, и он, Норло, не даст ему пропасть. Он вложит в его уста пламенные речи о спасении душ, на которые священники никогда не скупятся, и отправится с ним в более обжитые места Скаргиара, чем эта Валиравина. Толпы любопытных ринутся поглазеть на удивительное создание, сошедшее с небес, чтобы провозглашать волю богов на земле, и многие, увлеченные его словами, будут каяться в своих грехах и приносить богатые жертвоприношения. Этот Лио станет кумиром, посланцем высших сил, а он, Абакар Норло, – его скромным помощником и первым почитателем, но – только для посторонних. На самом деле именно он будет хозяином, и все дары и подношения будут попадать прямехонько в его карман, ну а слава – без славы он тоже не останется. Правда, надо будет очень внимательно следить, чтобы его «божество» не вышло из повиновения и чтобы никто посторонний не надоумил его сделать это, – ну да разве он, Норло, с этим не справится? Он так воспитает Лио, что тот будет верить любому его слову и сделает все, что он только ему прикажет.

Настоятель удовлетворенно потер руки. Теперь следовало расположить Лио к себе и аккуратно посвятить в свой план, – так, чтобы это не показалось ему оскорбительным. Присев на край постели напротив Лио, он значительно посмотрел на него и сказал:

– Лио, расскажи мне, как ты думаешь устроиться в этом мире, в который ты попал волею судеб?

Этот вопрос поставил Лио в тупик. Он не мог понять, что имеет ввиду настоятель, да и планов на будущее у него пока не было никаких, поэтому он просто ответил:

– Не знаю, отец Абакар.

«До чего же он сообразителен! – с невольным трепетом подумал настоятель. – Стоило Грало назвать меня при нем однажды отцом Абакаром, как он тут же запомнил!»

– Значит, не знаешь, Лио? – сказал он вслух. – Что же мне с тобой делать? У нас в монастыре и так много народу, свободных келий нет, все продукты привозные... Но ведь не могу же я просто выставить тебя за ворота, уповая на милость богов? Придется мне, видно, взять тебя под свою опеку.

Норло умолк, ожидая, что Лио станет благодарить его, но тот с невозмутимым видом продолжал сидеть на стуле, как ни в чем не бывало.

«Совершенно не испорчен цивилизацией, – подумал настоятель. – Ничего, еще пообтешем.»

– Так что будешь теперь жить у нас, Лио, – сказал он. – Наш монастырь называется Валиравинским и посвящен богине Матене.

– Кому? – переспросил Лио.

Норло решил, что, раз его подопечный так любопытен, можно начать претворение своего плана в жизнь, не откладывая. И он начал рассказывать ему о культуре Матены и о том, как счастливы те смертные, кто соблюдает божественные законы, установленные высшими силами. Рассказал он также, что многие не соблюдают этих законов, увлеченные силами зла в пучину греха. Беда в том, что эти заблудшие аврины сами не осознают греховности своего бытия, и требуется наставник, который вывел бы их на праведный путь.

Заронив в душу Лио каплю религиозного зелья, Норло решил, что для начала достаточно. Он пока не сказал, что тому самому предстоит, по его замыслу, стать наставником для заблудших авринов – чтобы Лио не зазнался с самого начала.

– А теперь иди, – сказал настоятель. – Можешь побродить по монастырю и осмотреть наше хозяйство, а потом Грало тебя пристроит.

Отправив Лио, настоятель приказал кликнуть Грало, чтобы дать ему распоряжения относительно своего подопечного. Он был совершенно спокоен, отпуская Лио без надзора, так как был уверен, что никто не сделает ему ничего плохого, а сам Лио уж точно никуда из монастыря не денется. Он и предположить не мог, что главная опасность для его плана таилась в самом монастыре.

Между тем Лио, толком не зная, с чего ему начать осмотр монастыря, пошел в сторону сарая, рассчитывая оттуда спуститься к воротам. Путь его лежал мимо библиотеки. Оттуда раздавалось монотонное гудение, и Лио зашел полюбопытствовать, что же там происходит. В библиотеке за огромной книгой сидел монах и читал, водя пальцем по строчкам. Лио подошел поближе. Монах даже не пошевелился: он был так увлечен чтением, что ничего вокруг себя не видел. К тому же, читал он плохо, разбирал слова по буквам и бормотал их себе под нос, так что это трудное занятие поглощало его внимание целиком. Тогда Лио зашел сзади и заглянул в книгу. Там были только какие-то непонятные значки и закорючки, и Лио не мог понять, как монах из них составляет слова. Но постепенно, следя за буквами и вслушиваясь в невнятные звуки, которые произносил монах, он заметил между ними подозрительное соответствие. В считанные минуты цепкая память Лио уловила эту взаимосвязь, и он молча, чтобы не спугнуть монаха, принялся сам составлять слова. Быстренько дочитав страницу, он стал ждать, пока дочитает и монах, но тот с таким сопением и кряхтением полз вниз по странице, что через полчаса у Лио лопнуло терпение. Он решил, что дочитает эту книгу как-нибудь потом, а пока возьмет другую книгу, благо в библиотеке ими были забиты все полки снизу доверху.

Подойдя к полкам, Лио тут же положил глаз на самую толстую книгу в кожаном переплете, окованную по углам серебром. Сняв ее с полки и сгибаясь под ее тяжестью, он потащился к подоконнику и, примостившись в углу за шторой, открыл первую страницу.

Это была «История Скаргиара», составленная и обобщенная монахом *Крализом*, в миру – придворным летописцем при гедрайнском дворе. Ее автор в свое время объездил все государства Скаргиара, везде добился чести быть допущенным в архивы, провел собственные исследования, свел воедино часто противоречивые материалы и написал сей великий труд. В его книге были даны сведения обо всех важнейших событиях в истории Скаргиара, отраженных в летописях, а также о науке, культуре, нравах и обычаях. У автора не хватило духу давать свои комментарии по поводу отдельных исторических событий и путей развития целых государств, но позволяло читателю самому поразмыслить над книгой.

Лио склонился над книгой и стал читать. Полотно истории, словно наяву, развернулось перед его глазами: государства возникали, воевали между собой, заключали мир, снова воевали, завоевывали друг друга и уходили со сцены истории. Перед ним проносился вихрь событий, дат, имен, и все шире и глубже раскрывалась панорама истории. Память Лио жадно впитывала все это многообразие, и все, про что он читал, врезалось в его сознание, чтобы запечатлеться там на всю жизнь.

Он как раз дочитал до истории падения королевства *Заль-Фхар*, как в библиотеке раздался посторонний шорох. Монах, читавший книгу, сидел в той же позе, зато другой заглядывал в двери и озирался по сторонам. Это был Грало. Лио бесшумно прокрался к полке, водрузил книгу на место и только потом, уже громко стуча копытами по полу, вышел на середину зала.

Грало заметил Лио.

– О! А я как раз за тобой, – сказал он. – Тебя по всему монастырю ищут. Пойдем за мной: ты зачем-то понадобился настоятелю.

Норло стоял в дозорной башне, заложив руки за спину. Он с улыбкой повернулся к вошедшему Лио и сказал:

– Видишь, Лио, эта башня выходит своими окнами на все четыре стороны света. Мы видим только горы, но на самом деле по ту сторону гор расположен целый мир. Вот это все, – он сделал широкий жест рукой, – это Скаргиар. В нем много удивительных вещей, которые ты когда-нибудь увидишь. В Скаргиаре есть пять великих королевств, а также княжества и вассальные владения.

Норло стал рассказывать ему о королевствах, но Лио слушал не очень внимательно: он уже успел обо всем этом прочитать.

– Теперь о тебе, – сказал настоятель. – Ты появился в этом мире по воле богов, чтобы нести свет божественных откровений заблудшим авринам, проповедуя им священные истины. Твой удел предначертан тебе свыше, и ты всегда должен помнить об этом.

– Какие священные истины я должен проповедовать? – спросил Лио, плохо понимавший, о чем идет речь.

Норло, уже составивший себе методический план обучения Лио, сказал:

– В мире творится много беззаконий, неугодных богам. Аврины погрязли в гордыне, распутстве, лени и роскоши. Тот, кто хочет встать на путь истины, должен очистить свои помыслы, смирить свою душу и плоть и исполниться благоговения перед величием божественного провидения. Тот же, кому выпал удел нести свет в другие души, должен быть вдвойне смиренен и преисполнен благодати, чтобы другие могли иметь пример перед своими очами.

Закончив эту напыщенную речь, от которой его самого затошнило, Норло строго взглянул на Лио и назидательно изрек:

– Итак, смирение, смирение и еще раз смирение! Запомни это, Лио, и благодать божья снизойдет на тебя.

Лио не совсем понял, зачем нужна такая благодать, но пока промолчал.

– И еще одно, – сказал настоятель. – В нашем мире каждый аврин имеет по два имени: собственное и родовое. Собственное имя у тебя уже есть, а родового нет... да, впрочем, и быть не может, поскольку ты не из этого мира. Поэтому я предлагаю тебе называться Аскер – по имени той самой горы, на вершине которой ты появился на свет. Теперь ты для всех – Аскер, потому что по имени называют только близких родственников, друзей и, кроме того, королей.

У Лио, которого мы теперь тоже будем называть Аскером, поскольку он нам ни близкий родственник, ни друг, ни, тем более, король, по этому поводу возражений не нашлось, и он вежливо поклонился, как это делали монахи.

«До чего сообразителен! – восхищенно подумал Норло. – Все схватывает прямо на лету!»

Норло не знал, что его подопечный *слишком* сообразителен.

– А теперь можешь идти, Аскер, – сказал настоятель. – Грало покажет тебе твою келью и познакомит с нашим распорядком дня.

Аскер поклонился еще раз и направился вслед за Грало. У него накопилось множество вопросов, требовавших ответа, но задать их настоятелю он не решился: какая-то сила удерживала его.

Грало привел его в ту часть монастыря, где находились кельи монахов. Аскер очень обрадовался, заметив, что коридор, по которому они шли, соединялся с коридором, ведущим в библиотеку, так что он без труда мог туда попасть. Именно в библиотеке он надеялся найти ответы на интересующие его вопросы.

Комната была маленькая, тесная, с низким потолком. В углу стояла кровать, на которой лежали набитые сеном тюфяк и подушка, и Аскер тут же подумал, что монахи спят немногим лучше своих берке. Рядом с кроватью стоял трехногий табурет, и на этом убранство комнаты заканчивалось.

Грало описал Аскеру монастырский распорядок дня, употребляя непередаваемую смесь покровительственно-почтительных интонаций, учитывая особое положение Аскера в монастыре. В восемь утра в монастыре был завтрак, в два часа дня – обед и в восемь вечера – ужин. В остальное время Аскер мог делать что захочет, если только настоятель не пожелает его видеть. Сказав это, Грало ушел.

Еле дождавшись его ухода, Аскер пошел в библиотеку, благо там никого не было, и снова засел за «Историю Скаргиара». Он читал, не отрываясь, пропустил ужин, вечером принес фонарь и читал до тех пор, пока в фонаре не выгорело масло.

Глава 2

Наступил Первый День весны. С этого дня в Скаргиаре отсчитывали начало нового года, и в монастыре с самого утра витал тот особенный дух обновления, какой бывает только в первый день года.

С ночи порошило мелким снежком, но к утру развеялось и из-за туч выглянуло бледное солнце. По случаю нового года на крыше монастыря в каменном очаге развели огонь, прочитали специальную Весеннюю молитву и возблагодарили Матену за то, что она помогла пережить монахам зиму.

Когда закончили читать молитву, кто-то посмотрел вниз и увидел, что по дороге к монастырю движется странник. Утренний ветер развеивал его лохмотья, рваные кожаные чуваки оставляли в снегу глубокие борозды. Странник подошел к воротам монастыря и постучал в них суковатой палкой. Ему тут же открыли: в Валиравину гости заходили редко, и, к тому же, появление гостя в Первый День весны расценивалось как добрый знак. Странника сразу повели к костру на крыше, где уже собрались все обитатели монастыря – от настоятеля до ребят из кухни. Не было только Аскера, потому что он с самого утра сидел в библиотеке. Норло собирался за ним послать, но приход странника помешал этому.

По обычаю все, кто был в доме, в первый день нового года должны были поцеловать гостя: считалось, что это приносит счастье. Странник перелобызался со всеми, начиная с настоятеля. Затем все сели вокруг костра и стали кидать в него священные палочки дерева, посаженного весной в полнолуние, и загадывать желания на будущий год.

Вдруг странник, дико вскрикнув, повалился на пол в приступе удушья. Лицо у него почернело, глаза вылезли из орбит, и он стал кататься по полу в страшных судорогах. Все оцепенели, никто не решался подойти к нему, и несчастный странник в конвульсиях скатился в костер. Пламя охватило его всего как-то сразу; он вспыхнул, как факел, и сторел в мгновение ока.

– Это черная пошеть, – сказала толстая кухарка. Она была родом из северных предгорий Баяр-Хенгора, граничащих с Алагером, и не раз видела эту страшную болезнь, разносимую ветром по степи.

* * *

Болели по-разному. Детей болезнь пощадил; многие были на ногах и только изредка заходились сухим, затяжным кашлем. Те же, кто заболел серьезно, валялись пластом на своих кроватях, поминутно кашляя и мучаясь приступами судорог. Лекарств от этой болезни не знали, кроме усердных молитв Матене и проклятий Ранатре, считавшейся матерью всех болезней.

Заболел и Норло. Он бился на кровати в жару, изнуряемый приступами кашля, корчась от судорог и все время в бреду твердя о приходе великого проповедника. Он никого не узнавал и был совсем плох, об Аскере же не вспоминал и подавно.

Аскера болезнь не коснулась. Еду он брал прямо на кухне, около больных не вертелся, а просиживал дни и ночи напролет в библиотеке. Книги стали его страстью, и он задался целью прочитать их все. Закончив «Историю Скаргиара», он принялся за трактаты по сельскому хозяйству, горному делу, химии, оптике, затем перешел к философии, религии, магии, литературе и политике. Большинство книг были написаны на хенгорском языке – на том, на котором говорили в Валиравине, но попадались и на других языках. Близкородственное хенгорскому северошергизское наречие Аскер еще кое-как понимал, но остальные языки были для него тайной за семью печатями. Книги составляли пока единственные впечатления его

жизни, не считая того немногого, что он успел увидеть, и потому отлично запоминались. Этих знаний Аскеру во многом хватило на всю будущую жизнь.

Аскер искал в книгах ответ на самый главный вопрос: кто он и какое место занимает в этом мире? По словам Норло выходило, что он – мессия, попавший в этот мир по прихоти богов и для исполнения их воли. Он должен был прогреметь в этом мире, вернув погрязших во грехе авринов на праведную дорогу пламенными речами и личным примером. Это Аскеру не очень понравилось: он уже достаточно прочитал, чтобы знать, как расправляются с инакомыслящими сильные мира сего. Ему хотелось войти в этот мир исподволь, сперва узнать его изнутри, стать его частью, а потом уж можно было бы вынырнуть где-нибудь для великих дел. Аскер хотел занять в обществе прочное положение, и желание это было сильнее еще от того, что он сейчас был никем и ничем, не имел ни имущества, ни связей, без чего в Скаргиаре было никак нельзя.

Аскер зачитывался рассказами о королях, об их советниках, о жрецах, которые имели власть и славу, и власть прельщала его больше, чем слава. Все в этом мире стремились к власти, – остальное было лишь ступенькой к ней. Богатство давало власть, знания давали власть, слава давала власть, любовь – и та давала власть.

За всем этим чтением Аскер совсем не замечал того, что делалось в монастыре. А дела обстояли следующим образом: половина монахов перемерла, зато те, кому посчастливилось выжить, выздоравливали. Шел на поправку и Норло. В один прекрасный день он вспомнил об Аскере и велел привести его.

Настоятель лежал на постели, бледный и худой, шерсть на его лице местами вылиняла, местами свалаялась в комки. Он поднял голову и слабо улыбнулся.

– Ну что, Лио, как дела? – спросил он.

– Спасибо, ничего. Только ведь вы, господин настоятель, сами говорили, что я теперь должен называться Аскером, поскольку я не близкий родственник, не друг и не король.

Норло хмыкнул, втайне посмеявшись над попыткой Аскера возвести между ними стену. «Ты целиком зависишь от меня, – злорадно подумал он. – Еще пообтешем». Вслух же сказал:

– Ну хорошо, Аскер. Чем же ты занимался все то время, пока я болел? Надеюсь, ты не очень скучал?

У Аскера загорелись глаза.

– О, я изучал содержание вашей библиотеки. Это настоящая школа жизни!

Трудно передать, какое впечатление произвели слова Аскера на Норло. Он-то рассчитывал, что сам расскажет ему обо всем, причем со своей точки зрения, а Аскер будет слушать, согласно кивать и безоговорочно верить каждому слову Норло. Все планы рушились в один миг.

– Ты полез в библиотеку?! – закричал настоятель. – Кто тебя туда пустил?!

– Да там, собственно говоря, было открыто, – ответил Аскер, равнодушно глядя на негодующего настоятеля.

Норло осенило.

– Но ведь ты же тогда не умел читать, – растерянно пробормотал он. – Кто посмел научить тебя этому, отвечай!

Аскер недоменно посмотрел на настоятеля.

– Разве уметь читать – такой великий грех? – спросил он. – Матена поощряет занятия литературой, а также любую тягу к знаниям. А читать я научился сам. – И Аскер описал Норло тот способ, с помощью которого он освоил грамоту.

– Будь проклята твоя тяга к знаниям! – воскликнул Норло и со стоном повалился на подушки.

Аскер выходил от него со смешанным чувством. Теперь ему было ясно, что настоятель имел относительно него какие-то планы и что его умение читать их нарушило. Аскер рассудил так: если Норло не посвятил его в свои планы, значит, эти планы могли ему не понравиться. Он уже довольно начитался о коварстве и об интригах, процветавших при королевских дворах Скаргиара, и теперь решил, что именно это и есть коварство. В любом случае, свои интересы надо было защищать самому. Аскер особенно остро почувствовал свою зависимость от Норло и твердо решил от нее избавиться.

Норло, со своей стороны, терзался размышлениями иного рода. Очевидно, что Аскер теперь знал гораздо больше, чем следовало, и хотел знать еще больше. Настоятеля ужасала та скорость и легкость, с которой Аскер поглощал информацию. Ах, эта горячая молодежь! Все-то ей хочется знать, все она стремится сделать сама и никогда не слушает мудрого совета! Норло решил предпринять еще одну попытку прибрать Аскера к рукам. Отдышавшись немного, он велел снова позвать его.

Когда Аскер снова появился в комнате настоятеля, Норло принял самый любезный вид и сказал:

– Послушай, Аскер... Ты читал книги и имеешь представление о нашем мире. Этот мир насквозь прогнил, и каждый думает только о своей личной выгоде.

На самом деле все было не так, любовь и дружба никуда не делись, но ведь Норло судил по себе.

– Я вижу, – продолжал он, – что ты принял этот мир таким, какой он есть, и желаешь занять в нем неплохое местечко. Не думаю, что кто-то усомнится в том, что я опытнее и старше тебя, – тут Норло хмыкнул, – и знаю жизнь лучше, чем ты. Так вот, я хочу предложить тебе вступить в мое предприятие на правах партнера. Без меня ты ничего не стоишь, а вместе мы могли бы заработать деньги и славу. Мы могли бы изменить мир! Мы бы смогли...

– Спасибо, господин настоятель, – перебил его Аскер, – за то, что вы изменили свое отношение ко мне и предлагаете мне участие в вашем деле на правах партнера, а не бестолковой покладистой скотины. Спасибо за то, что обещаете мне горы денег, однако деньги – лишь средство достичь власти, и притом не единственное. И все же я вынужден отказаться от вашего заманчивого предложения по причине – как сказала одна принцесса одному принцу – несходства характеров.

По мере того, как Аскер говорил, у Норло от удивления и гнева рот раскрывался все шире и шире, и он наконец не выдержал:

– Ах ты, скотина! Бестолковая наглая скотина! Тебе хотят добра, а ты еще и оскорбляешь своих благодетелей! Показываешь свой паршивый характер, хочешь всего добиться сам? Ну, если ты такой самостоятельный, то выметайся из монастыря, и чтобы глаза мои больше тебя не видели!

Явились два дюжих монаха, схватили Аскера под руки, отвели к воротам и вытолкали наружу.

«Вот я снова здесь, – подумал Аскер. – Назад дороги нет, – значит, надо идти вперед, пока хватит сил.»

Положение Аскера было незавидно: ни берке, ни одежды, ни провизии. К тому же, изучив карты, он знал, что вокруг на сотни *гин* простираются только горы, и неизвестно, сколько надо идти, чтобы добраться до какого-нибудь жилья. Правда, из Валиравины на юг вела дорога на *Вилозию*, но какая разница – замерзнуть на торной дороге или среди диких гор?

И Аскер пошел на восток. В сущности, ему было все равно, куда идти, но несколько строк, прочитанные в одной из книг, не давали ему покоя. Всего несколько строк в одной старой книге – химера, и не более того, но то, о чем в них говорилось, глубоко запало в душу Аскера.

Он натолкнулся на это место, читая «Религии и культы Скаргиара». Там упоминалось о некоем культе, оставшемся от древней цивилизации, великом и могущественном, но впоследствии запрещенном. Этот культ назывался *Сиа* – по имени силы, которой поклонялись его адепты. Аскера с самого начала несказанно удивили место и стиль изложения, которые автор употребил к этому описанию. Оно помещалось в самом конце книги, среди ссылок, пояснений и примечаний, словно автор надеялся, что у читателя не хватит духу осилить книгу до конца. Да и само изложение, в отличие от чрезвычайно подробных и обстоятельных рассказов о других культах, поражало лаконичностью, неполнотой и обилием туманных намеков и недомолвок. Создавалось впечатление, что предмет изложения был чем-то не совсем приличным, но, однако, таким, о котором нельзя совсем умолчать.

Но, несмотря на намеки и недомолвки, Аскер все же составил себе представление об этом таинственном культе. Его адепты обладали сверхъестественными способностями, намного превосходящими всякое воображение и не идущими ни в какое сравнение с жалкой магией прочих культов. И еще об одном упоминалось в этом маленьком отрывке: якобы где-то в Баяр-Хенгоре к северу от *Шергиза*, высоко в горах, в строгом уединении, находится обитель мудреца, владеющего тайнами культа и сохранившего знания в первоизданном виде.

Именно это и толкнуло Аскера идти на восток. Тайное знание, оставшееся от древней цивилизации, о которой не упоминалось ни в одном труде по истории, будило фантазию, а «сверхъестественные способности, превосходящие всякое воображение», окончательно покорили Аскера. К тому же в книге содержалась бесценная ссылка на местонахождение жилища мудреца, владеющего культом. Хотя Аскер трезво оценивал свои возможности добраться куда бы то ни было, но ему было приятно думать, что он приближается к заветной цели. Поскольку результат был практически недостижим, на первое место выступал сам процесс.

...Шла последняя неделя месяца немлирен. Солнце вставало раньше и уже начинало припекать, снег кое-где подтаивал, и часто целые его глыбы с шорохом скатывались со склонов, обнажая скалы. Показался зимовавший под снегом мох; его зеленые жесткие шишечки тянулись к солнцу и расцветали желтыми звездочками. В воздухе пахло сыростью, и ветер, прилетавший с юга, приносил запах земли.

Аскер, чудом до сих пор живой, шел все дальше на восток. Путь его был трудным и извилистым: бесчисленные пропасти и трещины преграждали ему дорогу, и он тратил целые часы на обход. Чтобы не сбиться с пути, он каждое утро просыпался до восхода солнца, чтобы успеть заметить гору, над которой оно вставало, и весь день двигался к ней. По дороге он собирал мох со скал и ел его. Мох часто рос на крутых, отвесных склонах, и Аскер по двенадцати раз падал со скал, обдирая локти и колени, прежде чем ему удавалось сорвать хоть стебелек. А ночью с севера налетал порывами холодный ветер, и жестокий мороз сковывал горы. Аскер с вечера зарывался в снег с головой, каждый раз рискуя наутро не выбраться из-под ледяной корки, намерзавшей за ночь, и ждал солнца и тепла, чтобы продолжить свой путь. И каждое утро, просыпаясь для новых испытаний, он вспоминал изречение из Нагана-Сурра: «Жизнь есть цепь страданий, и не каждая смерть прервет ее».

Однажды ночью Аскер лежал в сугробе и пытался заснуть. Сон не шел, какой-то смутный страх одолевал его. С самого начала своего путешествия он был совершенно один, но теперь чье-то постороннее присутствие не давало ему покоя. Дул ледяной ветер, полная луна лила на землю свой холодный свет. Звезды мерцали в вышине, и на востоке над горизонтом сиял *Сар-Сиргим*. Аскер высунул голову наружу и огляделся.

На гребне горы, под которой он лежал, светились две зеленых точки. Аскер чуть поднялся, чтобы разглядеть их получше. Точки висели над самым гребнем, словно две звезды. Но звезды были далеко, а эти огоньки, казалось, протяни руку – и достанешь. Аскер

в недоумении смотрел на них с полминуты. Он хотел подойти поближе, но его словно что-то удерживало.

Вдруг огоньки исчезли. Одного короткого движения головой было достаточно, чтобы светло-серый зверь, до тех пор совершенно сливавшийся со скалой, теперь стал полностью виден. Неосторожное движение разрушило всю маскировку, и Аскер смог рассмотреть зверя.

С первого же взгляда было ясно, что зверь наделен большой силой и ловкостью. Длинные ноги с широкими подушечками лап, вооруженных острыми когтями, были приспособлены как для бега, так и для прыжков. Чуткие уши и зоркие глаза помогали находить добычу даже в темноте, и то, что они находили, неизбежно попадало в пасть, усаженную острыми зубами. Все сильное, мускулистое тело зверя было хорошо тренировано и готово к действию. Зверь сжался за уступом в тугий клубок и мучительно думал: нападать или не нападать. Он рассчитывал застать добычу спящей, но это ему не удалось. Подкравшись с подветренной стороны, зверь терпеливо ждал, когда она уснет, но вместо этого добыча сама вылезла из своего укрытия, да еще осмелилась смотреть ему в глаза. Хищники привыкли видеть в глазах добычи страх, ужас перед грядущей смертью, но никак не недоумение. Зверь не выдержал пристального взгляда и отвел глаза.

Аскер наконец понял, кто перед ним. Путешественники с содроганием описывали этих зверей, называемых *ларганами*, и с ужасом – встречи с ними. Эти звери были живым оружием убийства: они были сильны, выносливы, неприхотливы, на редкость свирепы и всегда голодны. Жили они стаями по пять-десять особей, нападали на гропалов, берке, а также на все остальное, что движется. Они могли преследовать жертву неделями, но обычно этого не случалось: мало кто надеялся выжить, если за ним охотился ларган.

Зверь стоял на гребне, весь освещаемый луной, всего в нескольких шагах от Аскера.

«Почему он не прыгает? – подумал Аскер. – Неужели он не видит, что я гораздо слабее его? Прыгай же, звериная морда, и прикончи меня побыстрее, раз уж ты здесь!»

Ларган не прыгал. Его одолевали тяжкие раздумья. Обычно ларганы, завидев добычу, преследуют ее и нападают, не задумываясь. Но эта добыча была особенной. Еще два дня назад стая заметила Аскера, и ларган отделился от стаи, пустившись по его следам и выжидая удобного момента для нападения. При преследовании ларганы пользуются зрением и слухом, а обоняние используют нечасто. Но, преследуя добычу, ларган с удивлением обнаружил, что следы, по которым он шел, совсем не пахнут. Жертва была далеко, и уловить ее чутьем ларган не мог, хотя отлично видел. Тогда ему ничего не оставалось, как допустить, что животное, за которым он гонится, просто так устроено, что слабо пахнет. Ларган думал, что учует добычу, когда подкрадется поближе.

И вот, когда ему наконец удалось подкрасться достаточно близко, притом с подветренной стороны, так что даже одного хорошего прыжка хватит, чтобы настигнуть добычу, эта самая добыча, *живое мясо*, не издает ни единого запаха. Ни единого! И при том не то чтобы нет запаха живой плоти, а вообще нет никакого постороннего запаха, – от этой твари совершенно ничем не пахнет! Что это за животное, в конце концов? Почему оно не отводит взгляд, когда на него смотрят два раскаленных угля? Как оно поведет себя, если на него напасть? Возможно, его реакция быстрее, и именно его клыки сомкнутся на длинной мускулистой шее ларгана, а не наоборот?

Ларган решил не рисковать. Широким прыжком он соскочил с гребня, взмахнул длинным хвостом и скачками понесся прочь.

«Вот идиот!» – подумал Аскер. После такого переживания он зарылся в сугроб и заснул как убитый.

* * *

Дни шли за днями. Аскер все шел на восток. Он давно уже не знал, где находится, и старался только не потерять направление. Два раза он видел диких гропалов: они резвились, радуясь весне, прыгали со скалы на скалу и чесали рога о камни, а потом уносились прочь, но долго еще в горах раздавался их призывный свист.

Весна вступала в свои права. Снег остался лишь в выемках, пропастях, на северных склонах да на вершинах самых высоких гор, где не таял даже летом. С юга прилетали птицы, проснувшиеся от зимней спячки грызуны вылезали из своих нор, в воздухе звенели первые мошки.

Аскер шел вперед. На смену мху пришла сочная молодая трава, ночи были уже не так холодны, все вокруг расцветало и радовало глаз. Но Аскеру было не до красот природы. Чем дальше он шел, тем отчетливее понимал, что погнался за химерой. Было начало месяца вендлирен, а цель его путешествия казалась не ближе, чем вначале. Все чаще Аскеру казалось, что он уже прошел нужное место – не пропустил, а просто обошел стороной. Такие мысли приводили его в отчаяние, несмотря на то, что в начале своего пути он даже не надеялся выжить – а не то, что найти мудреца. Он шел вперед скорее по инерции, просто потому, что уже привык идти на восток.

Однажды, преодолев очередной перевал, Аскер увидел перед собой реку. Она текла по глубокому ущелью, шипела и пенилась, обдавая острые камни брызгами. До сих пор Аскер видел лишь ручейки и речушки, которые он без труда преодолевал; эту же реку нельзя было ни перепрыгнуть – слишком широка, ни переплыть – слишком стремительно было течение и глубоко каменистое дно.

Это была *Юнграй*. Многие гины петляла она по горам, пробиваясь через камень, пока не выносила свои ледяные воды в море. Здесь был положен конец дороге Аскера на восток. Забравшись на гору, он увидел, что река в этом месте заворачивает к северу, а потом к западу. Если подниматься по реке вверх, то можно было попасть в Алагер, где только степи да дикие звери. Понятно, что Аскер решил идти на юг. Он уже отчаялся найти своего мудреца и хотел попасть хоть куда-нибудь, где есть аврины.

Было одиннадцатое вендлирен, хотя Аскер об этом и не знал. Проснулся он, как обычно, с рассветом и пустился в свой бесконечный путь. Кругом были одни горы, и только слева шумела река. Хотя нет... Что это за звуки? Впереди слышались чьи-то голоса, бормочущие молитву. Аскер прибавил ходу. В горах слышно далеко, и прошло больше часа, пока Аскер добрался до них.

Действительно, в долине между гор стоял каменный домик, за ним прилепились сараи, а вокруг росло несколько деревьев. Но самое главное – там были аврины. На пороге хижины сидел сгорбленный старик в сером мешковатом балахоне; его редкая седая борода развеивалась на ветру, а изборожденное морщинами лицо было повернуто к небу. Перед стариком на коленях сидели шесть молодых авринов и молились, время от времени воздевая руки вверх. За домом паслись один берке и два гропала.

Аскер спустился в долину и направился к дому. За полтора месяца лазания по горам его походка утратила легкость и прямизну, а шерсть пожелтела и местами свалилась. Тем не менее он с достоинством подошел к старику и по обычаю гостя сказал:

– Мир этому дому и счастье его хозяевам.

– Мир и тебе, странник, – отозвался старик, подозрительно оглядывая Аскера. – Изда-лека?

– Из Валиравины.

Старик не ожидал такого ответа. Спросил он скорее ради шутки, думая, что Аскер пришел из деревни, находившейся ниже по течению реки. Тамашние жители иногда приходили к нему за лекарствами, которые он сам составлял из трав. У Аскера же, как мы знаем, не было при себе даже котомки, и это показалось старику очень странным.

– Из Валиравины, говоришь? Далековато... – покачал головой старик, но для проверки спросил:

– И что же ты там делал, в Валиравине?

– Учился, если это можно так назвать, – сказал Аскер. – А потом меня оттуда выгнали, потому что мы с настоятелем не сошлись характерами. Теперь я хочу учиться дальше и для этого ищу знаменитого мудреца, который мог бы посвятить меня в тайны культа Сиа.

Шестеро авринов, сидевших возле старика, на минуту прервали чтение молитв и посмотрели на Аскера.

– Не отвлекайтесь, дети мои, – сказал старик. – А ты, чужестранец, скажи мне, где же твои вещи и одежда, если ты действительно пришел из Валиравины?

– Вещей у меня сроду не было, господин, – пожал плечами Аскер.

– Что-то ты темнишь. Что же ты ел тогда по дороге? Может, траву? – прищурился старик.

– То, что служит для вас предметом насмешек, для меня служило пищей в течение полутора месяцев, господин, – строго сказал Аскер. – И не из праздного любопытства нарушил я ваше уединение, а по причине, вам уже известной. Я проделал долгий и трудный путь, чтобы найти этого мудреца, и больше месяца не видел ни одного мыслящего существа. Если вы не знаете, где живет мудрец Сиа, или же не хотите мне этого сказать, то я поищу в другом месте.

С этими словами Аскер поклонился и хотел было идти, но старик остановил его.

– Погоди, как хоть тебя зовут-то?

– Лио Аскер. Лио *Фархан* Аскер, – тут же поправился Аскер, не без гордости произнеся собственное имя.

Старик задумался, подперев голову сухой рукой, а потом вскинул на Аскера пронзительный взгляд.

– Фархан, говоришь? Стало быть, *остроглазый*?

– *Остроглазый*, – кивнул Аскер, ответив старику таким взглядом, что тот поневоле отвел глаза.

– Ну что ж, – сказал старик, зачем-то теребя полу своего одеяния, – я скажу тебе, где находится обитель мудреца, которого ты ищешь. Но ты уверен, что хочешь посвятить себя культу Сиа? Тебе известно, что обучение связано со многими лишениями?

– Что вы имеете ввиду под лишениями, господин?

– Воздержание во всем: грубую еду, жесткую постель, холод, тяжелый физический труд.

– Ах, господин! Эти лишения меня не пугают, – улыбнулся Аскер, а про себя добавил: «За полтора месяца скитаний я и не к тому привык».

– Ну хорошо, – торжественно сказал старик. – Если ты тверд в своем решении, то я скажу тебе, что я и есть *Кено*, учитель Сиа.

Аскер, у которого этот разговор уже вызвал смутные подозрения, согласно кивнул. Он сделал шаг назад, поклонился и сказал:

– О великий мудрец и учитель Кено! Позвольте мне просить вас быть моим наставником в постижении тайн культа Сиа.

Кено улыбнулся, заложив большие пальцы рук за пояс своего балахона.

– А это еще неизвестно, мой дорогой. Видишь ли, я проверяю каждого, кто приходит ко мне. А приходит немного. Вот, посмотри на этих шестерых. Это все, кто пришел за послед-

ние три года, да еще одного я отправил восвояси. Я проверил их – и увидел Сиа, проверил того седьмого – и не увидел ничего.

– Проверьте меня, господин Кено, – попросил Аскер.

– Хорошо, пойдём. А вы молитесь, – кинул старик своим ученикам, которые поднялись было с колен, чтобы посмотреть на действие.

Кено завел Аскера в дом. Они прошли первую комнату, жилую, и зашли во вторую, в которой было только маленькое окошко под потолком, а по углам валялся всякий хлам. Кено прикрыл за собой двери, завесил их рогожей, зажег свечу, а потом тщательно заткнул окошко тряпкой.

– Должна быть полная темнота, – пояснил он. – Светит только свечка. Смотри на нее.

Аскер сел на поставленный табурет и стал смотреть на свечу. Маленький огонек горел ровно, слегка чадя. От свечи по комнате распространялся странный терпкий запах. Старик встал за спиной у Аскера и положил ладони ему на виски, а большие пальцы на лоб.

– Теперь закрой глаза, – сказал он, – и сиди смирно.

Кено застыл в полной неподвижности, Аскер – тоже, как ему велели. Сначала он ничего не почувствовал, но потом возникло легкое головокружение, и в его мозгу словно стало теснее. Постороннее сознание проникло в него и постепенно заполнило всю голову, начиная с затылка. Оно сделало попытку слиться с его сознанием, мягко ударяясь о какую-то невидимую преграду и пытаясь пробить ее. Аскер почувствовал, как оно напрягается в бесплодном усилии преодолеть незримый барьер и как его силы утекают в никуда. Совсем ослабев, оно заворочалось, как зверь в берлоге, заметалось, панически ища выхода, и, найдя какую-то лазейку, вылетело прочь.

Наконец Кено убрал руки со лба Аскера, и тот открыл глаза. От свечки остался только маленький огарок, который вот-вот должен был погаснуть.

Учитель, не говоря ни слова, вышел на улицу. Его шатало из стороны в сторону, и он схватился за дверной косяк, чтобы не упасть. Сев на порог хижины, он вытер со лба холодный пот и устало сгорбился, уронив голову на руки. Ученики успели сменить род занятий и теперь вместо чтения молитв делали специальные упражнения. Кено с отсутствующим видом следил за ними, изредка отирая пот со лба. Аскер наконец решил нарушить это созерцание и спросил:

– Так каковы результаты вашего исследования, господин Кено?

Кено ответил не сразу, а сначала уселся поудобнее на пороге и в который раз смахнул со лба пот.

– Стар я стал что-то... Ничего не вижу, ничего не разберу... Затягивает, засасывает... Если бы свеча погасла... ох, боги, простите мне мои прегрешения!

Он поднял глаза на Аскера и досадливо поморщился.

– Да что ты на меня так смотришь? Отрицательный результат твой, понимаешь?

– Спасибо, господин Кено, я все понимаю, – довольно бодро ответил Аскер и направился прочь. Он оглянулся только раз, когда уже дошел до конца долины. Старый учитель все так же сидел на пороге и бормотал что-то себе под нос, недовольно разглядывая свои руки.

Аскер шел все дальше и дальше. В душе у него росло возмущение и недоумение.

«Как же так, – думал он, – эти шестеро, читая молитвы и размахивая руками, могут чему-нибудь научиться, а я – нет? Неужели чтение молитв и махание руками – такая великая премудрость? Это же абсурд! Хорошо же, дорогой учитель, если вы не можете учить меня, то я буду учиться сам. Видно и слышно здесь далеко, и я буду незримо присутствовать на всех ваших занятиях».

Глава 3

Отныне жизнь Аскера стала сплошным созерцанием. Он с самого утра занимал пост за скалой и внимательно вслушивался и всматривался в то, что происходило в долине у каменной халупы. Он занимался и тогда, когда ученики ходили за дровами по окрестностям или за водой к реке Юнграй. Аскеру от них почти не приходилось прятаться, потому что за дровами они ходили через реку по висячему мосту. К тому же, Аскеру повезло: он нашел небольшую пещеру поблизости от долины. В пещере можно было стоять во весь рост только у входа, а сам вход был низкий, очень узкий и снаружи казался просто трещиной в скале. Аскер навалил возле входа камней, чтобы еще лучше скрыть его, а внутрь пещеры наносил травы, так что устроился он с удобствами.

Шло время. Ночевал Аскер в пещере, ел по-прежнему траву, подглядывал за занятиями учеников Кено и делал все то же, что и они. Двое из шести учеников делали более сложные упражнения, и Аскер следил только за остальными четырьмя, соблюдая последовательность в обучении.

Наступило лето. Эти четверо с горем пополам преодолели первую ступень мастерства и приступили ко второй. Упражнения заметно усложнились и теперь были направлены не на общее развитие, а на самосовершенствование, достижение внутренней гармонии. Почти все учебное время теперь занимали медитации, и ученики часами сидели на коленях со сложенными вместе ладонями. Кено говорил, что вторая ступень будет пройдена, когда вокруг головы учеников появится сияние.

Аскер медитировал дни и ночи напролет, лишь иногда наведываясь в долину посмотреть, не прибавил ли Кено своим ученикам новых упражнений. Убедившись, что все идет по-старому, он возвращался в свою пещеру и возобновлял занятия. Медитировать следовало с закрытыми глазами, и потому Аскер не знал, насколько успешны его занятия, а спросить было не у кого: он твердо решил не соваться в долину.

Однажды берке, жившему в сарае при хижине, пришла в голову фантазия прогуляться по горам. Не долго думая, он залез на ближайшую скалу, оттуда перепрыгнул на следующую, и Кено успел заметить только его хвост, мелькнувший между скал. Он тут же послал двоих учеников найти его, и они, прихватив с собой веревку, кинулись за ним. Берке словно дразнился и, весело прыгая с камня на камень, подпускал к себе совсем близко, но в руки не давался. Ученики гнались за ним, чертыхаясь в сердцах, потому что на горизонте собирались тучи, предвещавшие первую в этом сезоне грозу.

Берке еще немного порезвился, но когда упали первые капли дождя, дал себя поймать и, как ни в чем не бывало, поплелся за учениками. Сверкнула молния, и полило, как из ведра. Ученики припустили к дому, спеша укрыться от дождя. В пять минут они вымокли до нитки, и ледяные струи текли им за шиворот, а мокрые камни скользили под ногами. Берке то и дело спотыкался и тянул назад. В одном месте он уперся всеми четырьмя ногами в землю и фыркнул. Ученики обернулись, чтобы дернуть за повод как следует, и обомлели: они увидели трещину в скале, из которой лился мягкий голубоватый свет. Они заглянули внутрь – и увидели Аскера, сидящего на полу пещеры в позе медитации. Вокруг его головы сияла аура такой интенсивности, что ученики тотчас закрыли глаза руками, чтобы не ослепнуть.

Они тут же забыли о ливне, о мокрых камнях и о непослушном берке. Один из них остался сторожить пещеру, а другой со всех ног кинулся к хижине Кено. Гроза еще не прошла, когда он ввалился в хижину, оставляя за собой на полу целые озера воды.

– Учитель! – начал он с порога, не успев и дух перевести. – Помните, к нам приходил аврин, такой странный – без котомки, без одежды, который хотел у вас учиться и которого вы завернули?

– Ну, помню, – сказал Кено, откладывая в сторону ступку с каким-то месивом, которое он перед этим усердно толоч. – А что такое?

– Мы с *Ригалом* лазили по горам за этим берке, – принялся объяснять ученик, размахивая руками, – как тут налетела гроза, и мы таки поймали его и повели домой, но он стал – и ни в какую! Тут Ригал смотрит – а в скале щель, и из щели – свет. Ну, мы заглянули, а там этот аврин сидит и медитирует, а вокруг его головы – такое свечение, такое... Мы чуть не ослепли! Так Ригал и берке там остались, сторожат его, а я – за вами.

– Гм... Чертовщина, – покачал головой Кено. – Что ж, – пойдём, посмотрим.

Он кряхтя поднялся со стула, надел плащ с капюшоном, взял палку и вышел вслед за своим учеником. Оставшиеся четверо, как только за ними закрылась дверь, принялись наперебой обсуждать эту новость.

Когда Кено и его ученик добрались до места, дождь уже закончился. Из вечерних сумерек им навстречу вынырнул другой ученик.

– А, вот и вы, – сказал он. – Этот, в пещере, все еще медитирует.

Кено заглянул в пещеру – и точно, там сидел Аскер и усердно занимался самосовершенствованием. Кено поскреб в затылке, а затем решительно влез внутрь, прикрывая глаза ладонью, и хлопнул Аскера по плечу. Синее пламя погасло в тот же миг, и в пещере стало так темно, что хоть глаз выколи. Аскер встрепенулся и, дико озираясь по сторонам, прижался к задней стенке пещеры.

– Аскер, не бойтесь, это я – Кено, – сказал старый учитель, делая шаг назад. – Мы бы ни за что вас не нашли, если бы вы не преодолели вторую ступень.

Аскер сразу понял, в чем дело. Только свет мог привлечь постороннее внимание, и при том только сильный свет. Значит, ему наконец удалось сделать то, что пока не могли сделать остальные, да и преувеличенно вежливое обращение Кено, перешедшего на «вы», тоже говорило об этом.

– Удивительные дела творятся нынче, – подумал вслух Кено. – Аскер, я хочу предложить вам учиться у меня, и думаю, что вы не откажетесь.

– Разумеется, нет, учитель, – улыбнулся Аскер, – и я надеюсь, что под вашим чутким руководством обучение пойдет быстрее.

– Куда уж быстрее, – смущенно пробормотал Кено, у которого в свое время на постижение первых двух ступеней ушло полтора года.

– И прошу вас, учитель, обращайтесь ко мне на «ты», – попросил Аскер, – а то мне будет неудобно перед остальными учениками.

Сказав это, Аскер окончательно вылез из пещеры, и все пятеро (считая берке), направились в долину.

Заведя Аскера в дом, Кено познакомил его со своими учениками. Как уже неоднократно упоминалось, их было шестеро: четверо мужчин и две женщины. Все они были молоды, сильны – да и как иначе? До хижины Кено им приходилось добираться звериными тропами, испытав все тяготы пути по горам. Все шестеро были дети равнин, все были из небогатых семей, все поехали искать счастья на край света, поверив древним легендам о мудрецах Сиа. Да, только сильный духом и телом мог добраться до Кено. Ехали наугад, а потому берке с собой не брали: ведь неизвестно, какие кручи и пропасти ждут впереди, а берке, не привыкший к горным дорогам, может стать обузой, если не знаешь пути. Добавим, что у многих просто не было денег на берке. Весь провиант приходилось тащить на себе, изредка пробавляясь охотой. Так что нынешние ученики Кено были теми немногими счастливицами, которым удалось доехать, а сколько их возвращалось назад, не одолев трудного пути, или погибло по дороге – и не сосчитать.

На следующий день Кено дал своим ученикам задание, а с Аскером пошел прогуляться по долине, чтобы остальные ученики не слышали их беседы. Он попросил Аскера рассказать о себе, что тот с готовностью и исполнил. Дослушав до конца, Кено задумчиво сказал:

– Очень, очень странная история... Ничего подобного я никогда не слышал, а слышал я немало. Посмею утверждать, что за всю историю Скаргиара такое случается впервые.

– Что именно? – спросил Аскер.

– Пришествие в мир живого существа извне. Это тебя ко многому обязывает, Лио.

– Ни к чему это меня не обязывает, – возразил Аскер. – В Валиравине я узнал много всякой всячины, и то, что я узнал, убедило меня в том, что обязательность – не самая популярная добродетель в этом мире.

– Увы, это так, но... Неужели в книгах, которые ты прочел, не было рассказов о верности, о бескорыстии, о служении высшим идеалам?

– Были, мой учитель, были. Прекрасные сказки, читая которые, невольно забываешь о прочитанных перед этим книгах по истории, а вот там-то все как раз наоборот. Ни одно выдающееся деяние, достойное памяти потомков, не обходилось без компромисса с совестью. К тому же, я склонен думать, что исторические сведения все же более достоверны и реальны, чем саги и баллады.

Кено понуро опустил голову.

– К сожалению, ты прав, Лио. У тебя острый ум, и ты, я вижу, неплохо разобрался в ситуации. Этот твой Норло своим поступком по отношению к тебе наиболее ярко показал все прелести нашего общества. Я долгое время боролся с существующими порядками, пока не понял, что изменить их невозможно. Только теперь, удалившись от мира, я наконец обрел желанный душевный покой.

От Аскера не укрылось, что последние слова Кено прозвучали как-то неуверенно. Укрыться от мира можно, от своей совести – никогда.

– Ты должен знать, Лио, прежде чем ты станешь у меня учиться, – продолжал Кено, – что адепты Сиа высшей ступени, – а ты, я верю, доберешься до самого верха, – становятся слишком чисты и благородны, чтобы жить среди прочих авринов, и вынуждены бежать прочь, пока грязь мира не затянула их с головой, если они хотят остаться адептами Сиа.

– Меня это не устраивает, – заявил Аскер. – Я хочу жить, а не сохнуть где-то на обочине жизни, постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не запятнал мою первозданную чистоту. Я не верю в то, что вы говорите, учитель.

– Ты еще не знаешь, что дает Сиа и чего она требует взамен, – нахмурился Кено. – Узнай сперва, а потом и суди.

– Так расскажите, учитель.

– Ну, слушай. Первая ступень предполагает физическую закалку и сведение своих потребностей до минимума. Тому, кто прошел первую ступень, достаточно поесть один раз в сутки и поспать четыре часа, чтобы восстановить силы. Аврин становится крепок и вынослив, как скала.

Аскер усмехнулся про себя: после бесчисленных прыжков и падений со скал его шкура поистине приобрела крепость гранита, оставшись, тем не менее, такой же тонкой.

– Вторая ступень, – продолжал Кено, – предполагает достижение внутренней гармонии, душевного мира с самим собой, помогает управлять своими эмоциями. Аврин сможет обуздывать в себе гнев, страх, зависть, горе, а также чрезмерную радость, если только этого пожелает. Он становится так же крепок духом, как и телом.

Третья ступень помогает найти единение с силами природы: предсказывать погоду, выбирать места для посева растений, для пастьбы скота, для строительства домов. Природа раскроется перед ним, позволяя читать свои письмена, дикие звери будут обходить его стороной, а ручные – покорно исполнять его волю.

Четвертая ступень позволяет входить во внутреннюю природу вещей и познавать их суть, а познав, изменять их по своему желанию. Аврин сможет врачевать болезни прикосновением рук, заставлять деревья расти, а зерно – созревать. Он подчинит себе огонь и воду, землю и воздух.

Пятая ступень – наивысшая. Тот, кому удастся пройти ее, может считать себя и наименее счастливым, и наименее несчастным созданием на земле, ибо откроются ему бездны духа собратьев его – авринов. Он будет проникать в сердца и распоряжаться там, как в собственном доме. Он сможет внушать другим любые мысли и чувства, заражать их самыми низкими пороками или очищать их души до белизны нетающих снегов на горных вершинах. Овладевший всеми пятью ступенями сможет стать в этом мире всем, чем захочет, и ответственность за свои поступки он всегда будет нести один. И всю жизнь его будет преследовать один, но всеобъемлющий запрет: никаких физических удовольствий. Тот, кто нарушит это правило, постепенно утратит свою силу, скатившись с высших ступеней на низшие. Впрочем, чем ниже ступень, тем менее строги ограничения.

В этом месте Кено перевел дух и добавил:

– Разумеется, я прошел все пять ступеней и потому живу вдали от мира в этой каменной халупке, чтобы не поддавать себя искушениям плоти.

– Замечательно... – пробормотал Аскер. – Вы просто храните древнее знание, учитель, запихав его в эти горы, как скупец – свое золото в сундук. Чтобы знание приносило пользу, его нужно применять.

– Это очень тяжело – применять такое знание, – сказал Кено. – Я в свое время сунулся в мир со своими пятью ступенями, а потом пришлось вернуться. Не выдержал. Потому я и учу других, что надеюсь принести своим знанием пользу, – пусть не сам, но через своих

учеников. – Кено сокрушенно вздохнул. – Я уже наперед вижу, что из этих шестерых никто не дойдет до пятой ступени, да и до третьей дойдут, разве что, двое из них. Очень, очень тяжело учиться, если нет выдающихся способностей. Я сам не понимаю, откуда они у тебя, – ты же помнишь, как я ошибся. Но, честно говоря, твой мозг для меня – тайна, покрытая мраком. Возможно, потом, когда ты станешь больше похож на аврина, чем на небожителя...

И началась учеба. Кено учил Аскера всему, что знал, и гораздо большему, чем то, что он обычно открывал другим ученикам. Кроме Сиа, он рассказывал ему об обычаях тех мест, где ему удалось побывать, выучил его эсторейскому и корвельскому языкам. Кено был родом из *Эсторей* – королевства, расположенного на юге Скаргиара, восточнее Гедрайна. По его рассказам выходило, что Эсторей – самое лучшее место на земле, а особенно ее столица *Паорела*, где все дворцы – из белого мрамора, а храмы – один прекраснее другого. В Паореле у Кено остался младший брат, который предпочел совершенствованию своей души светскую карьеру, и Кено много рассказывал Аскеру о жизни при королевском дворе в Паореле, где его брат надеялся проявить себя.

– Обязательно побывай в Эсторее, Лио, – говорил Кено, мечтательно закрывая глаза. – Это чудесная страна. *Корвела*, правда, тоже ничего, но Эсторей лучше.

Аскер впитывал все, чему его учил Кено, как губка. Его тяга к знаниям была просто поразительна. Учитель не мог на него нахвалиться и всегда ставил в пример остальным. Остальные завидовали Аскеру, – правда, зависть эта была добрая. Учеба давалась им гораздо труднее, и вскоре некоторые из них покинули долину, чтобы вернуться домой и начать новую жизнь уже при помощи новых способностей.

Аскер был чрезвычайно любознателен. Он хотел знать о Сиа все, что было известно самому Кено, а потому однажды попросил его:

– Учитель, расскажите мне о Сиа. Откуда она пришла в наш мир?

Был хмурый вечер, за окном завывал ветер и лил дождь, – словом, погода была как раз такая, когда на улицу и носа не высунешь, и не остается ничего другого, как сидеть у камелька и рассказывать разные истории.

Кено закрыл глаза и выпрямился на табурете.

– Сиа? – переспросил он. – В свое время я задал своему учителю тот же вопрос и услышал вот что. Давным-давно далеко отсюда жили мыслящие. Это не были аврины, но многое у них было так, как у нас. Это был великий народ, могучий народ. Дети этого народа рождались с мыслью, что они – цари мира сего. И верно, ни в чем им не было преград, потому что у них была Сиа. Словом «Сиа» они называли некую субстанцию, всепроникающую и всепоглощающую, связывающую вещи воедино. Они считали, что Сиа везде: и в звездах на небе, и в самой малой травинке у них под ногами. Эти мыслящие владели Сиа так, как владею я, и даже намного лучше. На основе Сиа они построили всю свою цивилизацию – и науку, и культуру, и философию. Они возвели сооружения, которые, быть может, стоят и поныне. Они много ездили по миру, и следы их есть даже у нас, в Скаргиаре, – это знаменитые Каменный Путь и Великий Мост через *Глерин*. Тогда еще на этих землях не было ни наших народов, ни их предков. Так вот, эти мыслящие, видя, как покорна им природа, возгордились и стали все вокруг переделывать на свой лад. Там, где плескались моря, они воздвигали сушу, а на месте гор стали рыть пропасти, чтобы добраться до драгоценных камней. Ведь физические удовольствия им были заказаны, и им ничего не оставалось, как тешить свое самолюбие таким способом. Кроме этого, у них было еще одно занятие: игра во власть. Перепакоотив всю свою природу, они принялись друг за друга. Степеней Сиа у них тогда было гораздо больше, чем пять, и вот они соревновались, у кого же Сиа сильнее. Они развивали свои способности и в результате дошли до того, что могли двигать взглядом горы и одним дыханием насыпать смерчи. И родились среди них двое мыслящих – близнецы, брат и сестра. С самого детства они соперничали между собой, и всегда их силы были равны. Люто возненавидели

они друг друга, и сама мысль о том, что другой живет, ходит по той же земле и дышит тем же воздухом, отравляла жизнь каждому из них. Они были очень сильны, эти двое. И стали они искать себе сторонников, что с их силой было нетрудно. Общество расколосось пополам, и после ряда мелких стычек разразилась великая битва. Все, от мала до велика, принимали в ней участие. Два лагеря расположились друг против друга и стали посылать противнику мысли о самоубийстве. Слабые умерли тотчас: кто зарезался, кто повесился, кто разбился, упав с высоты, а сильные продолжали борьбу и, истощив свой нервный запас, тоже падали замертво. Последними умерли близнецы. Так Сиа наказывает тех, кто использует ее во зло.

– А если бы силы оказались неравны?

– Ну, тогда бы горстка мыслящих выжила, но ненадолго. Вся их цивилизация была порочной и неминуемо должна была привести к краху.

– Это ужасно. Жаль, что Сиа не учит, как находить гармонию со всем миром, а не только с самим собой. Но неужели общество так отвратительно, как вы все время повторяете, учитель?

– Увидишь сам... – сказал Кено, сочувственно глядя на Аскера.

Аскеру не терпелось увидеть, и он тратил на учебу почти все время, кроме тех трех часов, в течение которых он спал. Наступил месяц кутлирен, и четвертая ступень была преодолена. Уехали последние из тех шестерых учеников, что были у Кено год назад, а новые не приехали. Аскер удивлялся: как же так, разве никто не хочет получить могущество? Кено смеялся и говорил: получить могущество хотят все, да не все могут. Удивительно скорее то, что он учил семь учеников одновременно, считая Аскера, потому что обычно бывает не больше трех.

Но не одна лишь Сиа занимала мысли Аскера. Однажды Кено застал его за таким занятием: Аскер, укрывшись от нескромных взглядов за сараем, ходил взад-вперед, заложив руки за спину, и говорил сам с собой, придавая своему голосу самые невероятные интонации.

– Аскер, что это с тобой? – спросил удивленный Кено. – Что за блажь на тебя нашла, что ты, вместо того, чтобы совершенствовать свое мастерство в упорных трудах, вышагиваешь тут, задравши подбородок в небо, и болтаешь сам с собой?

Аскер оторвался от своего занятия и пояснил:

– Учитель, уверяю вас, с головой у меня пока все в порядке. Это всего лишь еще одна слабая попытка стать чуточку совершеннее. Возможно, это все бабушкины сказки и преувеличения, но в одной книге в Валиравине я читал, что некий господин *Соогран* обладал настолько завораживающим голосом, что ухитрился стать правой рукой для трех королей Гедрайна подряд.

– Ах, вот в чем дело, мой любезный ученик! Ты про эту историю... – насмешливо протянул Кено. – Хотел бы я знать, хватило ли у тебя терпения дочитать до того места, где его казнили по повелению четвертого короля, которого он тоже пытался охмурить, но который был умнее своих предшественников?

– Подумаешь! – не смутился Аскер. – Господин Соогран интриговал напрапую и сам же себя и погубил, а я не собираюсь повторять его ошибки.

И, неувовимо и плавно изменив интонацию, глубоким воркующим голосом он сказал, сопроводив свои слова красноречивым взглядом:

– По-моему, любому аврину приятно, когда с ним *так* разговаривают.

– Да, я вижу, ты времени зря не терял, – улыбнулся Кено. – Что ж, удачи тебе, и смотри мне, не зарвись, когда придет время.

Весь следующий год Аскер чувствовал себя волшебником, заключенным в запечатанный сосуд: силы бурлили в нем, а применить их было негде. В самом деле, не начать же ему двигать скалы или поворачивать Юнграй вспять. Кено видел мучения своего подопечного,

но только качал головой: у него самого на весь курс ушло восемь лет без малого, из которых на достижение пятой ступени – три года.

Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Рвение Аскера было вознаграждено в середине месяца вендуарат 2168 года, когда Кено сказал ему, что наука постигнута, Сиа торжествует и выпускник может лететь на все четыре стороны. Он настоял только, чтобы Аскер, прежде чем пускаться в путь, дождался весны: как-никак, дорога зимой через горы была очень опасной. Аскер согласился, но не столько потому, что его просил об этом Кено, сколько в надежде, что с приходом весны у него появятся новые ученики: он не хотел оставлять учителя одного.

Его ожидания оправдались: в конце месяца немлирен в хижине на берегу Юнграй появились два неопита, и Аскер, сдав им Кено с рук на руки, двинулся на юг. Кено проводил его до моста и долго смотрел ему вслед, а в душе у него шевелилась надежда...

* * *

С тех пор, как Аскер начал свою учебу у Кено, он сильно изменился. Его шерсть восстановила прежний белый цвет, а движения стали плавными, как движения кошки или змеи. Вся его манера поведения обрела неуловимый налет аристократизма, но эта неуловимость была достигнута долгими и упорными стараниями. Но больше, чем благородством манер, Аскер гордился своим голосом. Его голос стал глубоким, гибким и с легкостью принимал любые интонации, которые желал ему придать его хозяин. Казалось бы, зачем все это адепту Сиа? Но рассказы Кено о придворной жизни запали в его душу глубже, чем, пожалуй, того хотелось его учителю. Зная, что внешность зачастую играет важную роль, Аскер уделял совершенствованию своего внешнего вида большое внимание и часто, глядясь в свое отражение в воде, говорил себе:

– Лио, друг мой, ты – лучшее, что я видел в этой жизни.

Теперь-то уж точно никто из авринов не перепутал бы его с животным!

Кено дал Аскеру в дорогу кое-какую одежду, котомку с сухарями да суковатую палку. Если бы кто-нибудь увидел, как изящный аврин, который может поспорить красотой с холеными щеголями самых блестящих дворов Скаргиара, в латаном балахоне штурмует перевалы и преодолевает пропасти, он бы очень удивился. Но Аскера это пока не смущало. Вокруг него были только скалы и небо над головой. Кругом лежал снег; для травы было еще рано, а звери пока не вернулись из предгорий, куда они уходили зимовать.

Но так не могло продолжаться вечно. На пятый день пути Аскер услышал впереди шум. Подойдя ближе, он различил рычание и приглушенные стоны. Аскер осторожно подкрался, выглянул из-за каменного уступа – и разглядел следующую картину: с дюжину ларганов возились около трупа аврина, отдирая от него исходившие паром куски мяса, а рядом, под скалой, стоял оседланный берке. Его передняя левая нога попала в ледяную расселину, и он судорожно пытался высвободить ее оттуда.

Аскер оценил обстановку и решил, что здесь можно использовать свои способности. Отложив в сторону котомку и палку, он выскочил из-за скалы и издал звериный рык. Ларганы оставили труп в покое и оглянулись.

Перед ними стоял зверь, какого они в своей жизни еще не видели. Вид его был ужасен: глаза метали синие молнии, острые загнутые крюками отростки рогов сверкали на солнце, два ряда безупречно ровных перламутровых зубов щерились в диком оскале. Зверь стоял, изготовившись к нападению. Все его тело было натянуто, словно тетива, готовая послать стрелу в смертельный полет.

Ларганы почувствовали ужас. Он нахлынул внезапно, волной, и был совсем не похож на обычный страх перед неизвестной опасностью: истоки его крылись гораздо глубже. Это

был первобытный, первозданный ужас мрака и небытия, высасывающий из души всю силу и саму жизнь. Волна накатилась и откатилась, и ларганы на секунду вздохнули с облегчением, готовясь к бою. Но новая волна уже настигала их, и передний от ее натиска покачнулся, вдруг обнаружив, что ноги отказываются ему служить. Ледяная рука сдавила сердце, пытаюсь растереть в пыль комочек трепещущей плоти. С диким воем ларган развернулся и побежал без оглядки, а за ним – его товарищи, будучи больше не в силах сопротивляться. Они со всех ног кинулись наутек, даже не рискуя жалобно выть о потерянной обеде, и были счастливы, что унесли ноги.

А Аскер вернул своему лицу нормальное выражение и подошел ко всаднику. Тот был мертв: лицо и руки были изодраны в клочья, голова плавала в луже крови. Богатая кольчуга и внушительных размеров меч не смогли защитить своего хозяина. Следы на снегу говорили о том, что ларганы окружили всадника, когда его берке застрял, а один из них бросился на всадника сверху, свалив его с берке, так что тот даже не успел воспользоваться мечом. Причиной смерти аврина стала роковая ошибка: он ехал по горам верхом, в то время как ему следовало вести берке в поводу. Тот потерял равновесие, поскользнулся и застрял, что и дало ларганам возможность напасть.

Все это Аскер выяснил, осмотрев место происшествия, а мы добавим то, чего он знать не мог. Незадачливым всадником был буистанский принц *Халисар*, младший сын короля *Игерсина Истилиса*. С детства он ненавидел придворную жизнь с ее коварством, интригами, необходимостью скрывать свои мысли и чувства. Поверив древним легендам, он пустился искать носителей культа Сиа, взяв с собой только самое необходимое и едучи инкогнито. Собственная неосмотрительность погубила его, когда он почти достиг цели.

Убедившись, что всадник мертв и что ему уже ничем не поможешь, Аскер подошел к берке. Ему достаточно было всунуть свою палку в трещину, чтобы лед раздался и освободил ногу скакуна. Берке дико всхрапывал и косил медового цвета глазами, но Аскер быстро его успокоил. Результаты осмотра ноги обнадеживали: кости были целы, только на внутренней стороне пута кожа была содрана. Аскер оторвал от плаща мертвого всадника кусок ткани и забинтовал ногу, а затем занялся содержимым сумки, притороченной к седлу. В сумке были лепешки, сушеное мясо и орехи, с луки седла свешивалась фляга с вином, а в особом кармане, пришитом к спинке седла, лежало изрядное количество золотых *леризов* (видимо, всадник рассчитывал платить за свое обучение). Сбруя берке была более чем скромной, из черной лакированной кожи, зато сам скакун был хоть куда. Он был поистине великолепен – стройный, тонконогий, с высоко поставленной шеей и изящной легкой головой. Масти берке был очень редкой, вороной, с золотым подшерстком, и до настоящего момента на его атласной шкуре не было ни единой белой, рыжей или бурой шерстинки. В Буистане и *Сайроле*, в степях, водились лучшие берке во всем Скаргиаре, а так как этот жеребец был из племенных королевских стад Буистана, то он был лучшим из лучших.

Аскер пока не знал, какое сокровище попало к нему в руки. Он переложил свои сухари в сумку всадника, отстегнул от пояса всадника меч, привязал его за седлом поперек чепрака, взял свою палку и, ведя берке, как и положено, в поводу, двинулся дальше на юг.

Чем дальше Аскер шел, тем ниже становились горы, тем чаще попадались по пути деревья и меньше было наметено в долинах снега. Благодаря умелому лечению рана скакуна быстро затягивалась, и после четвертого или пятого сеанса врачевания на месте содранной кожи появилась новая, розовая. Лед приморозил рану, и кожа утратила свой прежний черный цвет. Стало ясно, что когда рана окончательно заживет, у берке на путе будет белое пятно.

Горы на пути Аскера мельчали, острые пики уступили место пологим склонам, поросшим густым кустарником. Горы сбегали на юг широкими грядами, увлекая за собой, и в один прекрасный миг расступились, открыв взору плодородную равнину, окаймленную рощами молодых деревьев. Здесь заканчивался Баяр-Хенгор и начинался Шергиз.

Аскер впервые видел столько ровного пространства в одном месте. Молодая травка пробивалась из-под земли, деревья простирали ветви с набухшими почками навстречу солнцу, из поднебесья раздавались звонкие трели птиц. Начиналась весна, третья весна в жизни Аскера. Воздух, какой бывает только весной, вливался в легкие, кружил голову, отчего хотелось лететь куда глаза глядят, все равно – куда, лишь бы только вперед. Одним махом вскочив в седло, Аскер хлопнул своего берке по крупу, и тот понесся, уминая копытами жирную землю и раскидывая во все стороны комья грязи. Солнце еще не высушило землю после таяния снегов, и она липла к копытам, делая ноги берке тяжелее. Но, несмотря на эти затруднения, скакун, вырвавшись наконец из гор на свободное пространство, показал все, на что был способен. Он несся над землей длинными скачками, едва касаясь ее кончиками копыт. Казалось, расстояние для него – ничто, и, как огонь пожирает сухую траву в степях, так этот берке пожирал своим летящим галопом гину за гиной, унося своего седока на край света.

Мысли о крае света или, скорее, о чертовых куличках, пришли, видимо, и в голову Аскеру, потому что он поспешил остановить своего скакуна. В глазах рябило, дышалось с трудом, а горы маячили уже где-то за спиной, у самого горизонта. Да, впору было перевести дух после такой скачки, к тому же надо признать, что наш герой держался в седле довольно нетвердо и не свалился с берке просто чудом.

«Не берке – огонь! – восхищенно подумал Аскер. – Как там его... Ах, я ведь даже не спросил, как его зовут!»

Аскер соскочил с берке и, взяв его за морду, положил ладонь ему на лоб. Его сознание коснулось сознания скакуна, и он, медленно и осторожно раздвигая его пласты, проник в самую середину. Берке еще не оправился от трагической гибели своего прежнего хозяина, постоянно возвращаясь мыслями к схватке под скалой, но наряду с этим в его душе росло чувство благодарности к своему спасителю, который не оставил его в горах одного.

«Как тебя зовут?» – спросил Аскер.

«Огненогий, – был ответ. – Так меня прозвали за стремительный бег, равного которому нет во всей округе».

Берке не уточнил, что под округой он подразумевает пол-Скаргиара.

Итак, скакуна звали Огненогим. Аскер стал называть его *Сельфэр*, потому что именно так образ, увиденный им в мозгу берке, звучит на хенгорском языке.

Познакомившись со своим скакуном, Аскер собрался снова сесть в седло, чтобы ехать дальше. Он положил руку на холку берке, собираясь вскочить к нему на спину, но тот, увидев это, подогнул передние ноги.

– Ах, Сельфэр, ты меня позоришь! – покачал головой Аскер.

Берке только мотнул головой в направлении своей спины, словно говоря: «Какие тут могут быть церемонии!» Они оба отлично знали, что Аскер совершенно не умеет ездить верхом.

Улыбнувшись, Аскер сел в седло, и Сельфэр, поднявшись с колен, двинулся вперед осторожной рысцой. Убедившись, что Аскер достаточно уверенно сидит в седле на этом аллюре, берке прибавил ходу, и так до тех пор, пока его седок не начинал сползать с седла. Тогда Сельфэр делал движение в ту же сторону и восстанавливал утраченное равновесие.

Ехать было одно удовольствие. Кругом расстилались луга да перелески, которые, отдалившись от гор, начинали образовывать леса. Все чаще на пути среди зеленеющих деревьев попадались настоящие исполины, дорогу преграждали поваленные бурей стволы, оцетинившиеся частоколом острых сучьев. В конце концов Сельфэру это надоело, и он, как следует потянув носом влажный воздух, решительно свернул вправо, не обращая внимания на попытки Аскера вернуть его на прежнее направление. Его упорство было вознаграждено: через полчаса в просвете деревьев показалась тропа, достаточно широкая, чтобы по ней могла проехать телега.

По этой дороге Аскер доехал до небольшой деревни. Деревеньки были и в горах, но аврины селились все поближе к дороге на Валиравину и в низовьях реки Юнграй, а Аскер в тех краях не проезжал. Деревню он видел впервые и потому смотрел во все глаза. Дома в деревне были деревянные, сложенные из толстых бревен, и низкие, словно выросшие в землю. Маленькие окошки виднелись над самой землей, и те, в которых горел свет, шурились, словно глаза какого-нибудь лесного нелюдима, глядящего из-под своей лохматой шапки. Крыши были крыты бревнами, а поверх них – корой, большими пластами лежавшей по скатам и сплошь заросшей мхом, который зелеными лохмотьями свисал с кровли, еще больше затеняя подслеповатые окошки. Дворы по краю были обнесены высоким частоколом, чтобы оградить хозяев от непрошенных лесных гостей. В целом деревня имела вид мрачный и таинственный, чего нельзя было сказать о ее обитателях. Посреди улицы резвились дети, тягая за уши маленького ларганчика, которого им, видимо, принес с горной охоты отец. При виде Аскера на берке дети разбежались кто куда, по дворам, но уже через минуту в дверях своих домов стали появляться взрослые. Они кидали на Аскера любопытные взгляды и провожали его глазами: путники были здесь редкостью. Аскер понял их любопытство по-своему.

«Может, я делаю что-нибудь не то или как-то не так выгляжу?» – подумал он.

Тут ему в голову пришла счастливая мысль: он вспомнил, что все путешественники останавливаются на постоянных дворах. Аскер желал поступать во всем так, как положено, и подъехал к одному двору, где на завалинке сидел дед и зашивал суровой ниткой прохудившийся сапог.

– Скажите, где тут у вас постоянный двор? – обратился он к деду.

Усы деда вздрогнули, он оторвался от своего занятия и внимательно посмотрел на Аскера.

– Проедете семь домов и по правой стороне увидите дом с вывеской. Это и есть постоянный двор.

Аскер поблагодарил деда и, проехав семь домов, точно увидел постоянный двор. От соседних домов его отличала только вывеска, на которой было витиевато выведено: «Три ларгана». Тут же висели черепа трех этих зверей, один из которых поражал огромными размерами. Во дворе квохтали упитанные *дрилины*, роясь клювами в навозе.

Аскер въехал во двор. Услышав цокот копыт берке, из дома вышла хозяйка, деловито вытирая руки о передник.

– Никак, постоялец? – окинула она Аскера испытующим взглядом.

– Да, госпожа, – кивнул Аскер. – Мне бы переночевать у вас.

Хозяйка, услышав, что ее называли госпожой, заулыбалась. От настороженности, обычной в этом глухом краю перед чужаком, не осталось и следа.

– Заходите, господин, милости просим, – пригласила она Аскера в дом и, словно оправдываясь, добавила:

– Проезжие у нас редко бывают, все больше свои ездят.

Хозяйка кликнула своего сынишку, чтобы он отвел Сельфэра в сарай и задал ему корму, а сама усадила Аскера за стол, который тут же и накрыла.

Столько еды сразу Аскеру видеть не доводилось. Он подумал, что сейчас придут другие постояльцы, по крайней мере авринов десять-двенадцать, но быстро понял, что это все предназначено ему одному. На столе уже стояло с дюжину посуды, наполненных доверху, и каждое блюдо источало густой аромат. Сделав последний рейд на кухню, хозяйка принесла бутылку с прозрачной жидкостью, которую Аскер принял за воду. Увидев удивление на лице гостя, хозяйка гордо подбоченилась и с улыбкой сказала:

– Что, господин, не ожидали в нашей глухомани таких разносолов? Вот, возьмите супчику, нигде такой не варят! А вот жаркое из гропала. Мой муж охотник, вот и сейчас он в горы пошел, говорит – в горах только и промысел. Постояльцев у нас мало, а жить-то надо,

вот он и охотится. Мой муж – лучший охотник на всю округу, у кого хотите спросите, он даже на ларганов ходит. Вон на улице три черепа висят – то всё его трофеи. И давеча убил самку, а детеныша принес ребятишкам на потеху. Да что ж вы ничего не кушаете, господин? – спохватилась вдруг она, заметив, что Аскер отложил ложку в сторону и только слушает ее болтовню.

Она заставила Аскера перепробовать и суп, и жаркое, и пирожки с грибами, и рыбу, и варенье, и все остальное, что только было на столе, пока Аскер не стал ее клятвенно уверять, что больше не может.

– Ну как же это? – всплеснула руками хозяйка. – Да вы посмотрите на себя: живот – как доска!

Это была правда. По сравнению с жителями деревни, гордо носившими животы впереди себя, Аскер выглядел, словно тростинка по сравнению с вековым дубом. На его талию могли налезть иные браслеты, которые сельчане носили выше локтя для защиты от злых духов.

– Хоть водочки выпейте! – взмолилась хозяйка.

Аскер решил, что такие настойчивые просьбы не должны остаться без внимания, и, к тому же, жирные и пряные блюда не мешало бы запить. То, что хозяйка говорила «водочка» вместо «водичка», его не смутило: он решил, что сказывается разница между хенгорским и северошергизским диалектами. Аскер, думая, что в бутылке вода, налил себе сразу полкружки и осушил единым махом.

Глаза у хозяйки полезли на лоб. Аскер недоуменно посмотрел на нее. Что-то явно было не так, да и «водичка» оказалась *очень горькая*.

– Водичка у вас горьковата, – сказал Аскер.

– Водичка... – пробормотала хозяйка, постепенно приходя в себя. – Сами гнали из данара, думали – крепкая... Деда *Алима* со второй рюмки развезло, а уж он – выпивоха хоть куда...

Аскер встал из-за стола, поблагодарил хозяйку за сытный обед и направился к дверям, ведущим на улицу. Затылком он почувствовал, как хозяйка смотрит на его ноги: не заплетаются ли. Но его походка была более чем ровной, и хозяйка отвернулась, что-то бормоча себе под нос.

Аскер прошелся по деревне, полюбовался закатом сквозь деревья, заглянул в сарай к Сельфэру. Начинало темнеть. Спать в деревне ложились рано, и хозяйка поспешила показать Аскеру его комнату. Не зная, чем заняться, он посидел немного у окна, а потом лег спать.

Проспав положенные четыре часа, он проснулся. В окно заглядывала взошедшая луна, и деревья как-то странно чернели в лунном свете. Кругом раздавались шорохи, постукивания и поскрипывания. Лес словно обступил деревню, придвигаясь все ближе и ближе, норовя навалиться своей первобытной мощью и раздавить. Аскеру стало страшно. Он совсем не знал леса, и его дыхание казалось ему чужим и враждебным.

Выкарабкавшись из необъятной перины, Аскер открыл окно и выглянул наружу. Шум леса усилился, к скрипам и шорохам добавились чьи-то завывания, доносившиеся из-за стены деревьев. Аскер потянул носом ночной воздух. Пахло прелой листвой, сыростью и смолой. Каждая веточка и каждый листик пахли по-своему, словно дразня Аскера, заставляя его запутаться в этом обилии запахов.

Где-то с ветки скатилась капля. Снова издалека донесся протяжный тоскующий вой. Луна освещала вековые шершавые стволы и корявые сучья. Над лесом нависала жуть.

«Как они тут живут?» – подумал Аскер о деревенских обитателях. Вспомнилась молитва Духу Леса, вычитанная в книге «Молитвы, заговоры и заклятия».

«О Дух Леса, зеленый исполин! Велики владения твои, несметны богатства твои. Деревья в твоих лесах могучи, звери сильны, птицы быстры. Ты простираешь длань свою над ними, и все вершится по воле твоей. Закон твой нерушим.

О Дух Леса! Мы – малые из меньших травинок твоих, и наши судьбы в твоих руках. Окажи нам милость и покровительство, пошли удачную охоту, урожай грибов и ягод, охраняй нас от напастей, от зверей диких, от невзгод лесных. Вверяемся в руки твои и творим тебе жертвы».

Прочитав молитву, Аскер прислушался. Шорохи стихли, деревья словно отступили назад. Лунный свет стал мягче и теплее, и ветви уже не чернели так сурово. Аскер снова забрался в перину и проспал до рассвета.

Глава 4

Проснулся Аскер вместе с солнцем. Хмурое, заспанное, оно вставало над лесом, разгоняя предутренний туман. Деревья трещали, потягиваясь, отряхивали с ветвей капельки росы.

Аскер стоял, облокотившись о забор, и поверх домов смотрел, как просыпается лес. Хозяйка вышла во двор, зевая и ежась со сна, и вопросительно посмотрела на Аскера.

– Куда поедете, господин?

Этот же вопрос волновал и Аскера. Деревню он уже посмотрел и нашел ее неподходящей для своих планов: слишком тихо, сонно, одни и те же лица вокруг.

– Какие тут у вас поблизости есть города, хозяйка? – поинтересовался Аскер.

– Да поблизости у нас городов и нету, – отозвалась она. – Край наш лесистый, дикий, а горожане – они дикости не любят. Есть города – Вилозия к западу, *Отера* к югу, да до них гин полтораста будет, а до Уэрлериона – и все двести.

– Спасибо, хозяйка. Вижу, путь неблизкий, а значит, нужно мне собираться, – сказал Аскер.

Хозяйка собрала на стол – уже не столько, сколько вчера, усадила Аскера за стол и только качала головой, глядя, как он мало ест. Мальчишки вывели из сарая Сельфэра, уже вычищенного и оседланного, хозяйка налила во флягу водки и положила в сумку пирогов.

Аскер встал из-за стола.

– Спасибо за заботу, хозяйка. Сколько с меня?

Хозяйка замаялась. Приняла-то она гостя как положено, но совсем не знала, сколько с него причитается. В такой глуши, как у них, деньги почти не водились, за всё местные жители платили продуктами, даже подати князю отдавали мехами, мясом, грибами да орехами.

– Сколько вам будет угодно, господин, столько и дайте, – сказала наконец она.

Аскер запустил руку под седло и вытащил оттуда золотой достоинством в пол-лерица.

– Спасибо вам, господин, – поклонилась хозяйка, удивленно поглядывая на золотую монету: очень уж не соответствовал вид гостя его финансовому положению. Тем не менее, она была очень довольна: на эти деньги можно было купить одного рабочего берке или двух молодых гропалов.

Аскер попрощался с хлебосольной хозяйкой и поскакал по дороге на юг.

Погода стояла хорошая, лучи утреннего солнца косо просвечивали сквозь сплетение ветвей, бросая на дорогу золотые пятна. Птицы пели, радуясь утру, и первые цветы распускались на полянах. Копыта берке звонко стучали по дороге, поглощая расстояния.

Солнце еще не взошло высоко, когда в просвете деревьев показались поля, а за ними – дома. Это тоже была деревня, но она была больше предыдущей и стояла на открытом пространстве, отмежевавшись от леса полосой освобожденной от деревьев земли. В центре деревни стояли двухэтажные хоромы, обнесенные высоким забором: здесь жил князь. Владения его были невелики, на каких-нибудь семьдесят гин в округе. Таких князей в Шергизе насчитывалось с дюжину; они иногда враждовали между собой по поводу границ, но всё это были мелкие стычки, потому что князья были бедны. Народ их на войну шел очень неохотно, ограничивался уплатой податей, да и то старался увильнуть, ссылаясь на неурожаи и тяготы лесной жизни: кому охота отдавать свое добро, нажитое малыми или великими, но все же трудами.

Аскер не стал останавливаться в этой деревне, а только спросил, далеко ли до *Отеры* и как туда лучше проехать. Ему ответили, что до *Отеры* гин сто с хвостиком, и показали дорогу. Аскер мог бы и не спрашивать: дорога вела прямо на юг.

– Далековато, – пробормотал он, глядя на уходящее за горизонт полотно дороги.
– С вашим-то берке? – удивились деревенские жители. – Да вы еще до заката туда доберетесь.

За день Аскер проехал еще восемь деревень и в половине шестого вечера увидел предместья Отеры. Солнце стояло низко над горизонтом, подсвечивая крепостные валы. Здесь, южнее, лесов уже не было и всю зеленели травы. Пахло свежестью, и с горизонта доносился глухой рокот.

Аскер въехал в город через северную заставу. Внутри царили оживление и суета, обычные для больших городов. Маленькие домики окраины лепились друг к другу по сторонам узких улочек, озабоченные прохожие спешили куда-то, оборванные ребята то и дело шныряли под ногами Сельфэра. Поперек улиц были протянуты веревки, с которых хозяйки снимали сохнущее белье, свешиваясь по пояс из окон. Из дворов доносились запахи жареной рыбы и овощного супа, звон посуды и сердитые окрики: горожане готовились к ужину.

По мере продвижения к центру улицы становились шире, дома – больше и опрятнее. Здесь жили более зажиточные горожане, городская знать. Улицы выходили на главную площадь города, на которой стоял Дом Собраний. В этом доме жил городской старшина, а также собирались советы отцов города. Отцы выбирались всем населением каждый год и управляли от имени горожан.

Проехав площадь, Аскер снова проследил смену ширины улиц и богатства домов, но уже в обратном порядке. За окраиной его ожидал сюрприз: улицы выходили на набережную, а дальше плескалась вода, сколько достанет взгляд: Отера стояла на берегу моря *Асфариг*, или Капризного. Заходящее солнце золотило волны, касаясь лишь гребней, а дальше простиралась пучина, играя переливами цветов от изумрудного до черного. Ветер лениво гонял волны, и стоявшие на рейде парусные корабли плавно покачивались. С моря веяло сыростью, но не той, какая бывает в лесу, где воздух спертый и затхлый под сенью вековых деревьев, а влагой необъятных просторов водной глади, где ветер не знает преград.

Полюбовавшись морем, Аскер развернул Сельфэра и снова углубился в каменный лабиринт улиц, чтобы найти себе гостиницу – не богатую и не бедную, а как раз такую, чтобы не привлекать ничего внимания. Поездив по городу, Аскер остановил свой выбор на гостинице под вывеской «Рыжий берке», где уговорился с хозяином за двадцать *атр* в сутки, – со столом и комнатой.

Занеся свои пожитки в номер, Аскер спустился в зал и сел за столик в углу. Он заказал бутылку водки и закуску, расставил все это перед собой и, словно из укрытия, стал наблюдать за публикой, сидевшей в зале. Посетителями «Рыжего берке» чаще всего были странствующие воины, или *эсфрины*, как они гордо себя именовали. У них никогда не водилось больших денег, но они не желали прослыть оборванцами, хотя чаще всего таковыми и являлись. Они рыскали по свету в поисках господина, который взял бы их наемниками на службу, и ноги всегда сами несли их туда, где намечалась какая-нибудь драка. Правда, не все эсфрины были таковы, но те, кто был побогаче и поблагороднее, в «Рыжем берке» не останавливались.

И сегодня в гостинице сидела ватага таких вот бравых парней. Они много пили, еще больше ели и орали на весь зал, хвастаясь своими подвигами в делах ратных и любовных. Аскер стал внимательно следить за их разговором: как гласит народная мудрость, успех всегда быстрее приходит там, где воюют.

Мелкие военные стычки происходили в Скаргиаре постоянно, но некоторое подобие настоящей войны было только между королевствами Эстореей и *Аргеленом*. Это был очень старый конфликт, и пламя войны неоднократно разгоралось по обе стороны *Гуаранского* пролива, разделявшего королевства. Теперь там наступило затишье, и оттуда не приходило никаких известий, стоящих внимания эсфринов. Поэтому разговор велся о событии, которое должно было произойти очень скоро.

Речь шла о турнире в городе *Брегане*, который проводился каждый год в последнюю неделю кутлирен. Этот турнир был учрежден в честь одного достопамятного события в истории Скаргиара, связанного с падением королевства Заль-Фхар. Аскер читал эту историю, но был не прочь послушать ее еще раз. Того же мнения были и эсфрины, сидящие в зале: они готовы были слушать что угодно, особенно если рассказывал какой-нибудь бывалый воин.

– Да, друзья мои, Бреганский турнир – это король всех турниров, – так начал седовласый эсфрин со шрамом на левой щеке, видимо, считавшийся среди воинов хорошим рассказчиком. – Было это давно, более трех веков назад. В этом году уж четыреста тридцать девять лет будет. Тогда было все не то, что теперь, и земля делилась по-другому между государями. И было тогда к северу от Глеринских болот королевство Заль-Фхар. Король того королевства родился при затмении, и его судьбой повелевала Ранатра. Злой был король, коварный, честолюбивый. Выпивал из подданных все соки, заставлял работать до седьмого пота, и все стонали под его властью – от простолюдина до министра. Жаден был тот король до чужих земель, готовил войска и воевал с соседями. То у одного земли оттяпает, то у другого отрезет. Все соседние короли дрожали, заслышав тяжелую поступь его воинов. Сопrotивлялись они как могли, и воины их бывали лучше вооружены, и числом они часто превосходили противника, но сокрушал их злой король, как коса сокрушает молодые травы. В любом деле сопутствовала ему удача, и повозки с золотом тянулись вереницами из завоеванных краев, а все потому, что Ранатра помогала своему чаду в его неправедных делах. Богатые жертвы приносил король богине, несметное число животных сжигалось на ее алтарях, и даже порой кости аврина горели там. В честь богини был воздвигнут огромный храм из алого камня, и казалось, что течет с вершин храма кровь невинных жертв короля.

Но любому беззаконию приходит конец. Короли всех земель Скаргиара, еще не покоренных дьявольской волей, поднялись и пошли войной на королевство Заль-Фхар. Они ударили с севера, с востока и с юга, а с запада было море, но и оттуда приплыли корабли с воинами. И должен был тот король разделить свои войска и вести битвы по всем своим границам. Короли уже надеялись на скорую победу, но Ранатра была сильна. Воины гибли от засухи, от болезней, от мелких раздоров внутри войска больше, чем от стрел и мечей противника. Страшные это были времена. По всей земле лились потоки крови, раздавался звон оружия и стоны раненых. Четыре года было так.

К исходу четвертого года силы короля понемногу стали истощаться. Он был окружен со всех сторон врагами и медленно отступал к столице, а столица стояла там, где теперь лежат Глеринские болота. Короли-союзники увидели это и поняли, что неприятель спрячется в своей твердыне и сможет еще долго продержаться. Они решили собрать свои силы вместе и разбить армию короля по частям. Сам король был со своей северной армией и стоял у Брегана. Союзники подошли с запада, севера и востока и ударили разом. Казалось, ничто не может сокрушить лавину движущихся тел, закованных в латы. Но они были отброшены. И второй раз ринулись они вперед, и третий, но отступили, оставив усеянное трупами поле. Солдатам Заль-Фхар нечего было терять, и каждый дрался за двенадцатерых. Силы им придавала вера во всемогущество Ранатры.

И поняли союзники, что победить злые чары можно только великой жертвой. В ту пору при войсках был верховный жрец из Вишера, жрец Нура, великий праведник. Он решил принести себя в жертву во имя великой победы над общим врагом. Прочитав молитву, он заколол себя кинжалом, который был освящен для ритуальных церемоний. И Нур явил свою силу. Солнце послало свой испепеляющий луч и поразило вражеского короля. Он сгорел, как свечка. Его солдаты в ужасе разбежались, побросав оружие. Они бежали в столицу, надеясь найти там укрытие, но месть Нура продолжалась. Воды реки *Ривалон* хлынули в столицу и затопили все вокруг, потопив дома и башни. Вода размывала землю, превратила ее в грязь и болото, и город осел на дно. Говорят, где-то в болотах торчит вершина Алого Храма Ранатры,

да только места там гиблые и никто его не видел. Война закончилась, и слава богам. В память о той войне и собираются воины под Бреганом на месте последней битвы, меряются силами и вспоминают предания старины.

Старого воина поблагодарили за интересный рассказ и еще некоторое время сидели молча. Потом кто-то вспомнил какую-то *Эймерию* с соседней улицы, и разговор завертелся вокруг любовных походов. Аскер этой Эймерии не знал, слушать ему было неинтересно, и он решил выйти на улицу подышать свежим воздухом. Было начало одиннадцатого, когда он, прицепив к поясу меч для пущей важности, верхом на Сельфэре выехал из двора гостиницы.

На улице горели фонари и толпилась масса народу. Все жила предвкушением будущего турнира. Отера была крупным портовым городом, и многие воины ехали на турнир именно через нее.

Проехавшись по улице, Аскер вздохнул полной грудью: после душного зала гостиницы воздух города показался ему на редкость чистым, хотя на самом деле это было не так. Тусклые фонари чадили, из каждого окна тянуло или жареным салом, или горелым маслом – в зависимости от того, что светилось в окне: сальная свеча или масляная лампа. Багровые блики играли на стенах домов, на оружии встречных эсфринов, на лицах прохожих, искажая их и делая зловещими. Чья-нибудь мимолетная улыбка вдруг преображалась в оскал, глаза светились потусторонним пламенем, а как выглядели пьяные морды – и не описать.

«И это аврины!» – подумал Аскер. Разве таковы были ученики Кено, жители деревень, монахи Валиравины? Ранатра показывала свое лицо, уродливое, огненное – недаром ее цветом считался красный цвет, цвет огня, вулканов и раскаленных недр.

Навстречу Аскеру ехала ватага изрядно подвыпивших эсфринов. Берке у них были породистые, оружие было начищено до блеска и поражало воображение своими размерами. Они были сильны, уверены в себе и задирали всех подряд. Особенно выделялся предводитель: высокий и крепкий, как дуб, он имел талию в три обхвата и каменные кулачищи, его маленькие заплывшие глазки смотрели на мир надменно и с вызовом. Подъехав к Аскеру вплотную, он с неудовольствием обнаружил, что, как бы ни был хорош его скакун и тяжел меч, у Аскера берке был лучше и меч тяжелее. Но если стройный жеребец был всаднику под стать, то меч совсем не соответствовал владельцу ни длиной, ни толщиной (вспомним, что меч достался Аскеру от буистанского принца, а принц был вояка что надо).

– Э-э-э, посмотрите, кто едет нам навстречу, – захохотал предводитель. – Какой славный меч! Вот это длина! Да только он что-то великоват своему хозяину, не правда ли?

Остальные эсфрины дружно захохотали. Предводитель продолжал:

– Хотя нет, этот меч господину как раз по росту, если вы понимаете, что я имею в виду: если их поставить рядом, то оба окажутся одного роста!

Опять дружный хохот огласил улицу.

Аскера задело за живое, тем более, что меч и вправду был ему не по размеру.

– Какого бы я ни был роста, уважаемые господа, – ответил он, – но у меня хватит силенок, чтобы вытащить меч из ножен и подрезать вам ваши длинные языки.

Аскер сопроводил свои слова действиями, взмахнув мечом пару раз перед носом предводителя. Тот захохотал в ответ, хотя в глазах уже не было и следа прежней уверенности.

– Поехали, ребята, неохота руки марать, – сказал он с деланным равнодушием.

Воины объехали Аскера по одному и поскакали прочь.

«Они правы, – подумал Аскер, – надо сменить оружие, чтобы не выглядеть посмешищем. А сейчас лучше вернуться в гостиницу – от греха подальше». Он был очень осторожен в незнакомой обстановке.

* * *

Наступил новый день. От моря тянулся туман, и солнце плавало в нем, как ягода в сиропе, едва пробивая своими лучами плотную сизую завесу. Крыши домов выглядывали из тумана, как острова, покрытые черепицей, и узкие улицы казались проходами и туннелями, выточенными водой в толще скал.

Аскер с утра сидел в зале, дожидаясь, пока проснутся горожане. Когда на улице наконец появилось достаточно прохожих, он взял деньги и меч и пошел в торговую часть города, чтобы «приобрести более цивилизованный вид».

В торговой части города жили купцы. Лавки находились в их домах и выходили на одну улицу, а подъезды домов находились с другой стороны и выходили на другую улицу. Те улицы, куда выходили лавки, так и назывались: Посудная улица, Каретная улица, улица Ювелиров, Башмачный переулок и тому подобное.

Аскеру не терпелось поскорее сбыть с рук громоздкий меч, и он сразу направился в Оружейный ряд. Эту улицу не надо было долго искать: еще издали прохожий слышал звон молота о наковальню и видел черные дымы, поднимавшиеся к небу из печных труб, выведенных высоко над крышами. Сейчас на улице толпилось много народу – и мужчин, и женщин: многие девы с воинственным характером оставляли родной дом и искали приключений наравне с мужчинами. В лавках каждый присматривал себе оружие по вкусу. Здесь были и мечи, и копья, и сабли, и топоры, и бердыши, и луки, и кинжалы – словом, все, чего только душа пожелает. По стенам висели кольчуги всех фасонов и размеров, в углах груды были навалены щиты и шлемы, у стен стояли металлические доспехи, покрытые для прочности лаком из чешуи черной рыбы, которая водится только у берегов скалистого Броглона.

Аскер зашел в первую же лавку и обратился к хозяину, сгорбленному оружейнику с лицом, изрезанным морщинами и темным от вьезшейся копоти.

– Не купите ли у меня меч, хозяин? – сказал он.

Сразу же все, кто был в лавке, обернулись. Слыханное ли дело: весь Скаргиар покупает оружие, готовясь к турниру, а этот продает!

– Хорош воин! – раздался из дверей чей-то бас. – Тебе, заморышу, только на завалинке сидеть да молиться Матене, чтобы ветром не сдуло!

Со всех сторон раздался одобрителный свист и улюлюканье. Говоривший вошел в лавку, свет лампы упал на его лицо, и Аскер узнал в нем того громилу, который вчера задел его на улице. Громила, в свою очередь, узнал Аскера.

– А-а, это вы, господин коротышка, – пробасил он. – Продавайте свой меч, продавайте, а то над вами всю жизнь будут смеяться. Такому храбренцу он явно не по размеру. Слава богам, в этом славном городе найдется немало достойных авринов, которым ваш меч придется впору.

– Уж не вам ли? – спросил Аскер, глядя на воина снизу вверх.

И, прежде чем громила успел произнести хоть слово, Аскер выхватил его меч из ножен, взялся одной рукой за рукоять, другой – за острие, и хотел сломать о свое колено. Но сталь была хорошо закаленная, вязкая, и меч, вместо того, чтобы сломаться, перегнулся пополам.

– Вот, – сказал Аскер, возвращая меч изумленному эсфрину, – теперь это поистине клинок храброго воина: он никогда больше не спрячется в ножны.

В лавке воцарилась гробовая тишина. Кто-то судорожно сглотнул, кто-то почесал в затылке.

Аскер повернулся к хозяину.

– Ну так как, господин, покупаете меч? Он у вас не залежится: как только что было справедливо подмечено, найдется немало достойных авринов... и не очень достойных... Один из них, кажется, все еще торчит у меня за спиной?

Аскер оглянулся, но громилу как ветром сдуло. Да и остальные покупатели боком пробирались к выходу, усердно делая вид, что они уже давно собирались уйти.

– Беру я у вас меч, беру, – кивнул продавец. – Сто двадцать леризов. Разогнали вы мне всех покупателей, господин.

– Урон невелик, – возразил Аскер. – Стоит мне выйти отсюда, как у вас в лавке снова станет тесно. Лучше скажите мне, не найдется ли у вас чего-нибудь на замену моему мечу? Он хоть и хорош, но все же великоват мне, не правда ли?

– Да нет, что вы, – робко возразил оружейник, – он вам как раз впору.

– И все же я хотел бы подобрать что-нибудь... поизящнее, что ли.

Аскер выжидательно посмотрел на продавца. Тот засуетился за прилавком, не зная, что ему предпринять, чтобы не навлечь на свою голову гнев своего посетителя. Он вытащил из груды несколько мечей, не таких больших, как тот, что продал ему Аскер.

– А подороже не найдется? – спросил Аскер, увидев, что мечи самые простые и не украшены даже насечкой.

Оружейник, недоверчиво смерив взглядом наряд Аскера, вытащил мечи подороже, решив, что проданный меч все равно покроет стоимость купленного взамен.

Но и эти мечи Аскера не удовлетворили. Такие мечи были предметом гордости многих, а ему хотелось чего-то особенного. Он так и заявил об этом оружейнику.

Тогда продавец сказал:

– Есть у меня одно *особенное*, и я его вам покажу, а вы решайте, подойдет оно вам или нет. Только это сабля, а теперь не жалуют сабель.

Аскер, которому было все равно, сабля это или меч, кивнул. Оружейник скрылся в дверях, ведущих в дом, и через минуту появился с запыленным свертком. Сдув с него пыль, он развернул ткань и извлек оттуда саблю.

– Эта сабля хранится у меня уже тридцать лет, – сказал он, вынимая ее из ножен. – Досталась она мне от одного моряка, частенько плававшего в Броглон. Как она попала к нему – не знаю, но думаю, что дело нечистое. Сабля, сами видите, редкая: у нее два лезвия. Вот эти синие камни, что вправлены в рукоять, имеют свойство темнеть перед началом бури. Этот моряк заслужил славу колдуна, потому что предсказывал любой шторм, даже самый внезапный. Но умер он нехорошо... доставал ее из сундука, а она возьми да и вывернись из рук, и – ему прямо в горло. Сабля вообще коварное оружие, а особенно – если она сделана в Броглоне. Но сделана, надо отдать должное, на совесть. Такую саблю не стыдно надеть и генералу.

– Почему же ее у вас до сих пор не купили? – спросил Аскер, любясь камнями на эфесе и рукояти.

– Не жалуют теперь сабель, – уклончиво ответил старый оружейник. – Особенно сделанных в Броглоне.

– Я ее покупаю, – решительно сказал Аскер. – Сабля не должна лежать в сундуке, а то она и впрямь от безделья пырнет кого-нибудь.

– Ну, смотрите, – сказал оружейник, у которого на душе было неспокойно. – Ваш меч стоил сто двадцать леризов, да еще девяносто шесть, – итого для ровного счета двести шестнадцать леризов.

Цену за саблю продавец заломил немалую. Полторы сотни леризов¹ – при том, что такой меч, как меч принца Халисара, был оценен в сто двадцать! Но Аскеру сабля так понра-

---

¹ Сотня в Скаргиаре равна ста сорока четырем единицам.

вилась, что он заплатил оружейнику требуемые девяносто шесть леризов и, довольный, забрал саблю.

Выйдя из лавки, Аскер остановился и задумался. У него был лучший берке во всей округе, а теперь и лучшая сабля, но для достижения успеха этого было явно недостаточно. Как гласит народная мудрость, встречаются по одежке, а часто и провожают по ней же. Аскер задумался, какую одежду ему выбрать: военную или гражданскую. Латы можно было купить, не выезжая из Оружейного ряда. Но, походив по лавкам, Аскер понял, что он только напрасно теряет время: уж очень хрупкого сложения он был, и ничего подходящего по размеру для него не нашлось бы. Тогда, не особенно огорчаясь, он поехал на улицу Суконщиков.

Не стоит думать, что на улице Суконщиков продается только сукно. Любой, кто будет там, убедится, что там продается и бархат, и шелк, и парча, и батист. Там же продается готовое платье и шьют на заказ.

На улице Суконщиков не было того оживления, какое наблюдалось в Оружейном ряду, хотя многие к турниру обновляли свой гардероб. Аскер походил по лавкам и посмотрел, что там продают. В одежде преобладали светлые тона и широкие ниспадающие фасоны, а из материй самыми модными были шелк и батист. Аскеру сразу пришла в голову мысль о ночных рубашках, которые он, правда, вживую никогда не видел, но зато видел на картинках в хрониках, и еще тогда они не пришлись ему по душе.

«Великолепная одежда, если нужно скрыть большой живот, – подумал он. – Интересно, кто положил начало этой милой тенденции?»

Но спрашивать об этом Аскер все равно не решился бы, и он продолжал ходить по лавкам в поисках чего-нибудь подходящего. Зайдя внутрь, он обращался к продавцам с одним и тем же вопросом:

– У вас нет чего-нибудь *потемнее*?

Продавцы недоуменно пожимали плечами и отвечали:

– Но зачем вам потемнее? Сейчас в моде светлые цвета. Вот, посмотрите, какой замечательный шелк! Чистое золото! Как он блестит на солнце!

И они разворачивали перед Аскером рулоны бежевых, лимонных, розовых и голубых материй, расхваливая свой товар на все лады и утверждая, что в одежде такого цвета он будет просто неотразим.

В конце концов Аскер не выдержал. Зайдя в очередную лавку, он спросил:

– Скажите, нет ли у вас чего-нибудь для траура?

Продавцы дружно сплюнули через левое плечо и принесли Аскеру свои соболезнования. Один спросил:

– Позвольте узнать, когда будут проходить похороны?

Дело в том, что в Скаргиаре умершего хоронят в то время суток, когда он родился, чтобы он сразу попал в чертоги своего божества-покровителя. Детей Нура хоронили в белом, детей Матены – в черном, и всем присутствующим на церемонии полагалось быть в одежде того же цвета.

– Похороны состоятся ночью, – сказал Аскер, скорбно вздохнув.

– У нас есть то, что вам нужно, – сказал продавец. – Черный бархатный *хофтар*. Правда, он не совсем черный, а, скорее, темно-синий, но вы ведь знаете, что при теперешней моде очень сложно найти что-либо по-настоящему черное.

– Да, я понимаю, – кивнул Аскер, который сам в этом только что убедился.

Продавец вынес ему *хофтар*.

– Здесь, правда, на полы и на отвороты рукавов нашиты полосы из золотого шелка, но мы их вам спорем, – сказал он.

– Не надо! – воскликнул Аскер. – Оставьте так, как есть! Я их сам спорю.

Продавцы переглянулись между собой, решив, что их посетитель помешался от горя. Но Аскер, не обращая на них внимания, вцепился в хофтар, словно не веря, что он держит *это* в руках и что оно не исчезнет через пять минут. Это было как раз то, к чему он подсознательно стремился. Хофтар и в самом деле был *почти* черный, – такой цвет имеет вода в бездонных горных озерах или ночное небо перед восходом луны. Таинственную глубину бархата как нельзя лучше подчеркивали сверкающие золотые полосы шелка, которые услужливый продавец намеревался спороть. Для полного совершенства не хватало только одной детали – пояса. Аскер тут же купил широкий алый пояс и, заплатив за все сорок три лериза, направился в примерочную. Ставив с себя латаный балахон, в котором он был все это время, он надел хофтар и подпоясался так, что, казалось, он вот-вот переломится в талии пополам.

Став боком перед огромным, в авринский рост, зеркалом, он залюбовался плоским животом и тем, как хофтар расширяется от талии книзу, образуя колокол. Он взмахнул руками, чтобы посмотреть, как разлетятся в стороны широкие рукава, и удовлетворенно кивнул своему отражению. Прицепив саблю, он гордо вышел из примерочной, довольный своей покупкой, и сказал продавцам:

– Надеюсь, господа, что бархат еще войдет в моду.

Глядя на Аскера, похожего на картинку, с этим можно было согласиться. Один продавец тут же шепнул другому:

– Пойди в порт, и если корабль из *Арморелины* еще не отплыл, купи у них бархат, который они привозили.

Аскер вышел на улицу. От денег, найденных им в седле, оставалось полсотни, и он решил купить себе еще сапоги и перчатки. С этими предметами гардероба таких затруднений не возникло, и он приобрел черные лаковые перчатки и такие же сапоги на шпильках для верховой езды. После всех дел у него осталось около десяти леризов, но зато на улицах многие прохожие, особенно женщины, оглядывались ему вслед. Он шел, гордо выпрямив стан, совершенно уверенный в том, что теперь его никто не посмеет задеть.

Когда Аскер вернулся в гостиницу, уже перевалило за полдень. Он поднялся в номер и стал обдумывать, что ему дальше предпринять. Он обязательно хотел повидать Эсторею, и попасть туда поскорее можно было, сев на какое-нибудь судно из тех, что постоянно плавали между Отерой, островом *Тарра* и *Маэркелом*, портовым городом на северном побережье Эстореи. Но, с другой стороны, если добираться в Эсторею по суше, можно было, сделав небольшой крюк, захватить в *Айлароллу*, столицу Корвелы, побывать на Бреганском турнире, посмотреть на Каменный Путь и Большой Мост. Конечно же, Аскер выбрал второй вариант, тем более, что Бреганский турнир, к которому все так готовились, был только раз в году.

До начала турнира оставалось четыре дня, и Аскер решил выехать сегодня, чтобы, если удастся, занять место в гостинице. Расплатившись с хозяином «Рыжего берке», он купил провизии на дорогу и отправился в путь. За южными воротами Отеры начиналась широкая дорога, идущая по морскому побережью до устья реки *Амалькаделир*, а потом – вдоль реки до самой Айлароллы.

Солнце клонилось к закату, и Аскер погонял своего резвого скакуна, чтобы проехать за оставшуюся часть дня как можно большее расстояние. Дул свежий ветер, который то и дело менял направление, то неся песок с берега, то налетая порывами с моря. На водной глади, которая еще минуту назад была ровной, как зеркало, появлялась едва заметная рябь, в короткое время перераставшая в пенные буруны, а через минуту опять все стихало, и поверхность воды вновь казалась твердой и незыблемой.

Аскер смотрел, как алое солнце садится в зеленые воды, и это зрелище его не вдохновило. Теперь он с облегчением думал о том, что все-таки поехал по суше, потому что вид моря пробуждал в его душе смутный трепет. Море Асфариг не даром прозвали Капризным: его настроение было настолько непредсказуемо, что, отправляясь в плавание, каждый моряк,

как бы небрежно он ни соблюдал божественные заповеди, считал своим долгом прочесть на ночь молитву Нуру, надеясь увидеть завтрашний рассвет на этом свете, а не на том. Если жители суши составили о погоде множество примет и с успехом пользовались ими, то на море Асфариг никто в приметы не верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.